Землемер

Автор:
Джеймс Фенимор Купер

Землемер

Джеймс Фенимор Купер

Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений #17Хроника Литтлпейджей, или Трилогия в защиту земельной ренты #2

Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) – американский писатель, чьи произведения еще при жизни автора завоевали огромную популярность как в США, так и в Европе. В его книгах рассказывается о героизме отважных покорителей Дикого Запада, осваивающих девственную природу Америки, о трагической судьбе коренных жителей континента – индейцах, гибнущих под натиском наступающей на них цивилизации. В данном томе публикуется роман «Землемер» – второе произведение из «Трилогии в защиту земельной ренты», которая представляет собой историческую сагу о судьбе трех поколений семейства Литтлпейджей, обживающего Новый Свет.

Джеймс Фенимор Купер

Землемер

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2009

Глава I

У него была большая голова, члены Геркулеса, здоровье железное, переносившее все перемены погоды; здоровье, на которое не влияли ни усталость, ни томление голода.

Рокеби

Я сын Корнелиуса Литтлпейджа, который был родом из Сатанстое, в штате Нью-Йорк, и Аннеке Мордаунт, родившейся в Лайлаксбуше, близ Кингсбриджа.

Других моих родственников я мало знал. Я был очень молод, когда мой дедушка умер в Англии, куда ездил повидаться с полковником Бельстродом, жившим тоже когда-то в колониях. Герман Мордаунт (так звали моего деда) очень любил его. Я несколько раз слышал от отца, что, по некоторым обстоятельствам, он мог считать себя даже счастливым, что тесть его умер в том году. Если бы не последовала эта смерть, то во время политической ссоры, возникшей вскоре после того, он, вероятно, присоединился бы к противной стороне, и все имения его неминуемо подверглись бы той участи, которой последовали имения почти всех знатных фамилий. Но Литтлпейджи, то есть мой дед, отец и я, не изменяли. Если принять во внимание одни лишь материальные выгоды, то очевидно, что американец, действовавший подобно нам, показывал свое бескорыстие, так как этим он рисковал своим имуществом, которое могло быть конфисковано, рисковал даже собственной жизнью.

Мой дед служил бригадиром в милиции в 1776 году, а на следующий год принимал деятельное участие в большой кампании, вместе с моим отцом, который был в чине полковника. В том же полку, где служил мой отец, служил майор Дирк Фоллок. Отец любил его всей душой. Этот майор был старый холостяк. Законное владение его находилось на другой стороне реки в Рокланде; а большую часть времени он проводил у нас. Матушка моя имела искреннего друга в лице Мэри Уаллас, которая навсегда осталась девицей. Она имела порядочное состояние, жила постоянно в Лайлаксбуше и очень редко приезжала навещать нас в Нью-Йорк.

Мы очень гордились бригадиром; гордились этим званием, как и славной его службой. Он недолго жил после войны, хотя не имел счастья умереть на поле сражения. Почему неблагодарное потомство помнит особенно тех, кто погиб с оружием в руках? Разве тот, кто, посвятив всю свою жизнь службе отечеству,

хладнокровно смотрит на приближение смерти, не такой же храбрый и не достоин внимания, как и тот, кому отрывает голову ядро? Мой отец остался в лагере, чтобы своими действиями оберегать солдат, болевших оспой, и сам заразился этой болезнью и умер. Разве такая смерть не достойна памяти? Напротив, отец майора Дирка, старый друг нашего семейства, любивший весело пожить, был захвачен отрядом индейцев, когда отправлялся пировать в какую-то гостиницу, и был убит. Такую смерть называли геройской. Сам майор говорил о смерти своего отца с гордостью, тогда как смерть бригадира казалась, без сомнения, событием достойным разве только сожаления. По моему мнению, смерть моего деда гораздо значительнее, но ее не будут ценить так ни история, ни родина. Придет время, когда на все будут смотреть с настоящей точки зрения, когда люди и события будут обсуждаться по их собственному достоинству, и тогда, я уверен, многие приговоры истории распадутся в прах.

Я был очень молод во время революционной войны, но между тем имел возможность быть свидетелем некоторых важных событий. С двенадцатилетнего возраста я был послан в нассаусскую коллегию, в Принчтаун, чтобы прослушать там курс наук и выйти не раньше, как получив все степени. Но мое воспитание наткнулось на большие препятствия. Наша семья должна была уехать из Нью-Йорка в то самое время, когда Виллиам Гове овладел им. Матушка моя и бабушка поселились в деревне Фишкил, на ферме, принадлежавшей Мэри Уаллас. Эта деревня находилась в семидесяти милях от столицы, в центре американских лесов. Когда я приехал туда на каникулы, мой отец повел свой батальон и взял меня с собой. Я не отлучался ни разу из армии и стал продолжать курс учебы уже после блистательных побед при Трентоне и Принчтауне, где наш полк увенчал себя славой.

Этот первый шаг был очень важным для двенадцатилетнего ребенка. Тогда мальчики моих лет были часто вооружены, потому что колонии хоть и занимали большое пространство, но жителей в них было мало. Чтобы иметь точное понятие об этой войне и беспристрастно оценить ее, нужно напомнить о том различии, которое существовало между обеими армиями: с одной стороны выступали миролюбивые крестьяне, без руководства опытных офицеров, нуждавшиеся в оружии и часто в военных принадлежностях, лишенные того, что составляет главную силу войны – денег; с другой стороны опытные европейские воины, поддерживаемые всеми средствами, какие только могло предоставить им образование. Но при всем этом американцы, предоставленные сами себе, с честью выдержали борьбу. Сколько было сражений, которые, несмотря на малочисленность нашего войска, заслуживают того, чтобы стать в один ряд с знаменитыми войнами.

Почти весь следующий год я был в походе вот почему: после последней экспедиции я не чувствовал особого желания заниматься науками; после приезда домой на время осенних каникул матушка поручила мне отвезти платье отцу, который находился тогда вместе с армией на севере. Я приехал на главную квартиру за неделю до бемисгейтского дела и остался при отце до объявления капитуляции.

Это обстоятельство было причиной того, что я, несмотря на свой молодой возраст, был свидетелем, даже в некоторой степени действующим лицом двух или трех важных дел; в последнем сражении я имел честь состоять в должности адъютанта при моем дедушке, посылавшем меня с приказами, раза два или три, в места самых жарких схваток. Для другого это было бы делом обыкновенным, но школьнику, который был на каникулах, это казалось чудом. Все Литтлпейджи пользовались большим уважением в колонии, и поэтому я стал любимцем офицеров.

Среди офицеров был один капитан. Большой чудак, но который ужасно нравился мне. Он был голландец, как и большая часть офицеров; имя его было Эндрю Койеманс, но он был больше известен под именем землемера. Несмотря на то что Эндрю принадлежал к хорошей фамилии, он получил поверхностное образование. Некоторое время он пользовался большим состоянием, но на двадцать восьмом году, как сам он рассказывал, случай столкнул его с каким-то янки, который размотал все его состояние; с того времени он и посвятил себя званию и занятию межевщика. Но голова Эндрю не была устроена для математических расчетов, и поэтому после двух или трех грубых ошибок, сделанных по межеванию, он посвятил себя скромной должности землемера. Говорят, что каждый человек имеет какую-нибудь способность и что задача состоит в том, чтобы понять, к чему у тебя задатки и потом уже трудиться постоянно. Эндрю Койеманс определил, к чему есть у него способности.

Как землемер, он приобрел редкое доверие. Как ни скромно это звание, оно все равно требует многих ценных качеств, и прежде всего – честности, а это качество в человеке встретишь редко. Владелец или арендатор были совершенно спокойны, когда при измерении земли конец цепи держал Эндрю. Кроме этого, он был превосходный охотник; это занятие дало ему возможность узнать с удивительной точностью леса.

В начале революции Эндрю взялся за оружие, как и большая часть людей, чувствовавших сильную симпатию к колониям. Когда формировали полк, в котором мой отец был полковник, то тех, кто приводил под знамена известное число воинов, награждали чином, соответственно той услуге, какую он оказал в этом мероприятии. Эндрю явился одним из первых, с целым капральством землемеров, охотников, проводников и прочих, их было двадцать пять человек, все они были сильные, смелые и к тому же искусные стрелки. Их начальнику дали чин лейтенанта, и так как он стал старшим среди офицеров одного с ним чина, то вскоре был произведен в капитаны; когда я с ним познакомился, он был уже в этом чине, выше которого и не поднимался.

Революция, имеющая народный характер, не всегда выдвигает людей, получивших наилучшее образование; а скорее выдвигает тех, кто имеет другие качества. Но не совсем было так в нашей национальной борьбе. Странный, но при этом неоспоримый случай, что ни один из наших молодых солдат в продолжение всей войны не достиг высокого военного звания силой своего таланта. Может, это нужно отнести частично к тому, что в подобной борьбе, от начальников требовались осторожность и осмотрительность и что зрелые годы и опытность предпочитались молодости и удальству. Эндрю Койеманс, по прибытии в армию, был по своему общественному положению выше почти всех офицеров, служивших в полках, выставленных северными колониями.

Правда, воспитание его не соответствовало его происхождению, но в то время, за редким исключением, нью-йоркские голландцы, имевшие даже состояние, редко заканчивали учебные заведения. Поэтому соседи наши янки имели большое преимущество перед нами. Они отсылали своих детей в школы, и хотя те получали начальное образование, все же они стояли выше в кругу неученых. Эндрю не домогался этого различия. Он умел читать и писать и этим ограничил все свои знания; математика была для него камнем преткновения, о который разбились все его надежды, как землемера.

Одно обстоятельство из жизни Вашингтона, а именно то, что в молодости своей он немного занимался межеванием, было всегда источником справедливой гордости для Эндрю. Он чувствовал, как велика была честь занимать хоть второстепенное место, в том звании, которое было удостоено вниманием такого великого человека. Я помню, однажды мы были вместе в Саратоге, и главнокомандующий проехал верхом мимо нашей палатки, и капитан Койеманс сказал мне с сильным выражением: «Посмотрите, Мордаунт, мой храбрый воин, вот едет его превосходительство! Я был бы счастливейшим человеком, если бы

мог нести цепь в то время, когда он размежевывал участки своей земли».

В произношении Эндрю, который вообще говорил хорошо по-английски, было слышно что-то голландское, особенно когда он воодушевлялся. На протяжении всех моих поездок в лагерь я привязывался к нему все больше и больше; эту дружбу он внушил мне оригинальностью и благородством своего характера.

Благодаря происшествиям, которые произошли во время каникул, мой курс наук продолжался шесть лет, и в девятнадцать лет я вышел из коллегии. Во время осады Чарлзтауна я служил прапорщиком в батальоне моего отца. И в то же время я попал под командование капитана Койеманса; это еще больше укрепило мое расположение к нему, которое я чувствовал к старому воину. Я говорю старому, потому что в то время Эндрю было не меньше шестидесяти семи лет, но он был бодр, деятелен, подвижен, как юноша.

Я искренне любил моих родителей, во-первых, потому, что они были мои родители, во-вторых, потому, что не хотел бы иметь других; я любил мисс Мэри Уаллас, или тетушку Мэри, как меня приучили ее называть, так как это было добрейшее существо; я любил майора Дирка Фоллока, как доброго друга, который не раз помогал мне своими советами и опытом; я любил негра Джепа, слугу моего отца, как все мы любим преданных нам слуг; но Эндрю я любил сам не знаю за что. Он был человек грубых понятий, делал странные заключения о земле и том, что на ней происходит, но был олицетворенная откровенность и честность. Этот человек был пропитан предрассудками, но при всем этом я любил его, был к нему привязан; и когда заключили мир в 1783 году и мы были распущены, я со слезами расстался с Эндрю. Мой дедушка, генерал Литтлпейдж, умер тогда. При роспуске войск правительство повысило каждого офицера в звании: я получил звание капитана, а мой отец, который выполнял за последний год должность полковника, получил ранг бригадира, в котором и остался до самой смерти, – вот и все, что он успел приобрести за семь лет трудом и самоотверженностью. Наш край был беден, и мы дрались не для личной награды, а для общей пользы. Нужно согласиться, что Америка внушает своим детям прекрасные правила; вся ее система наград относится к воображению и душевным качествам. Два двигателя в ней: добродетель и патриотизм. Но при этом мы часто бьем других так же, как и нас бьют.

Заканчивая эту главу, я должен заметить, что Эндрю Койеманс не принял майорского звания, которое предложили ему после конгресса 1783 года. Он оставил армию в чине капитана и отправился искать свою племянницу, которую

должен был взять на свое попечение, и навсегда решил остаться землемером.

Глава II

Это благородный плут, сударь, который всякий раз, когда я бываю озабочен или грустен, умеет своими шутками воссоздать меня.

Шекспир

Из предыдущей главы видно, что если я и приобрел какие-нибудь сведения, то, конечно, этому не был обязан последовательному, методическому изучению предметов. Нет сомнения, что образование сильно пострадало во время революции в последующие двадцать лет. Пока мы были колонистами, к нам приезжали хорошие европейские учителя, но с началом волнений приезды эти в основном прекратились и возобновились спустя продолжительное время, после подписания мира.

Отношения, которые я имел с армией, часто отвлекали меня от родительского дома, несмотря на все искушения, бывшие в нем. Не говоря уже о матушке и бабушке, обожавших меня, не говоря о тетушке Мэри, которую я любил почти так же, как матушку и бабушку; у меня были две сестры, одна из них была старше меня, а другая младше. Старшая сестра, которую звали, как и матушку, Аннеке, была на шесть лет старше меня, она вышла замуж за богатого владельца, господина Китлтаса, и жила очень счастливо. У них было несколько детей; они постоянно жили в Детчессе, и поэтому матушка переехала туда на время. Я чувствовал к Аннеке такое расположение, как брат к сестре, гораздо старше его, доброй, внимательной и преданной ему; но маленькая Кэтрин, или Кэт, – была моя любимица. Кэт была на четыре года моложе меня. Мне исполнилось двадцать два года в то время, когда распустили армию, следовательно, Кэт исполнилось в то время восемнадцать лет. Она была очень резвая, когда я расстался с ней в 1781 году, отправляясь в полк в чине прапорщика, она была свежа и прекрасна. Я помню, как часто мы с Эндрю разговаривали целыми часами о наших любимицах: он – о своей племяннице, я – о младшей своей сестренке. Тогда я думал остаться навсегда холостым, поселиться вместе с сестрой, которая была бы моим другом, распоряжалась бы хозяйством, видя во мне своего защитника и руководителя. Великим счастьем в

жизни для всех нас были мир и независимость; достигнув их, никто из нас в полку не сомневался в будущем.

Смешно было видеть, с каким жаром, с какой наивной простотой старик землемер мечтал об этих детских планах. Племянница его была сирота. После смерти матери своей, сестры землемера, у нее никого не осталось из родных, кроме дяди. Правда, племянницу приютила подруга ее матери, которая любила ее и дала ей образование гораздо лучшее, чем она могла получить у своего дядюшки, но эта добрая женщина умерла в 1783 году, и поэтому Эндрю вынужден был серьезно подумать о судьбе своей племянницы.

Старик землемер из-за гордости и из-за любви к ней ни за что не соглашался, чтобы она жила трудом своих рук.

– Что бы стал делать этот ребенок? – сказал однажды мне Эндрю. – Носить цепь она не может, хотя и довольно умная, для того, чтобы измерить землю. Если бы вы знали все, что писала мне благодетельница моей племянницы о знаниях своей воспитанницы! Это просто гений. Пишет она в совершенстве. Знаете ли, мне нужно по крайней мере неделю, чтобы прочесть одно из ее писем.

– Неделю? Но если она пишет очень хорошо, то мне кажется, что этим она должна облегчить ваше чтение.

– Напротив. Когда сам в письме бродишь, как курица, то всегда растеряешься, читая прекрасно написанное письмо.

– Так не думаете ли вы сделать из нее землемера? – спросил я шутя.

– Бедный ребенок слишком нежен, чтобы ходить по лесам, а если бы дело касалось только подсчетов, уверяю вас, она заткнула бы за пояс любого математика в провинции.

– Мы не называем теперь Нью-Йорк провинцией, капитан Эндрю, потрудитесь вспомнить.

– Ах да, правда! Тысячу раз извиняюсь перед Нью-Йорком! Как только совсем затихнет война, посмотрите, как все бросятся на земли; тогда занятие

землемера будет просто чудом. Знаете ли, мой любезный, поговаривают, что всем офицерам и солдатам дадут по участку земли. Дай-то бог! Тогда я снова сделаюсь помещиком, как был им при появлении на этот свет. Конечно, для вас, наследника многих тысяч долларов, ничего не значат несколько сотен, но что касается меня – признаюсь, что эта мысль меня восхищает.

– Так вы опять хотите предаться занятиям земледельца?

– Нет. Земледелие и я, мы вечно были в разладе. Но если я получу землю, то буду иметь право измерить ее, и тогда посмотрим, что скажут господа ученые. Увидят, узнают тогда, так ли ошибочны мои измерения. Если другие не хотят доверять мне, из этого не следует, что я сам себе не должен доверять.

Я знал, что Эндрю оскорбляло неполное его образование; чтобы отклонить разговор от предмета, который был для него неприятен, я принялся говорить о его племяннице, и в этот раз я узнал некоторые подробности, о которых не слышал раньше.

Племянницу землемера звали Урсула Мальбон. Несмотря на то что Урсула была дочерью сестры Эндрю, она не принадлежала к роду Койемансов. Из этого выходило, что старушка Койеманс была два раза замужем и что второй ее муж был отцом Урсулы. Боб Мальбон, как землемер называл отца Урсулы, принадлежал к хорошей фамилии; любил сорить деньгами, он женился на матери Урсулы из-за приданого, а потом меньше чем за десять лет промотал и свое и жены состояние. Когда они умерли, за короткое время один после другого, у них осталась двухлетняя дочь.

Этот ребенок остался на попечении дяди, проводившего жизнь в лесу, за обычным своим занятием, и госпожи Стреттон, содержательницы пансиона, о которой я уже говорил. У Урсулы был сводный брат, сын Боба Мальбона от первой жены; он находился в армии, получал скудное жалование и должен был помогать близкой свое родственнице, между тем благодаря госпоже Стреттон, землемеру и брату своему, Урсула ни в чем не нуждалась до восемнадцати лет и до смерти своей благодетельницы успела получить хорошее образование. После госпожи Стреттон покровителем ее остался дядя. Брат ее, при всем желании, помогать сестре чем-нибудь уже не мог, потому что, служа капитаном, он получал ограниченное содержание.

Я вскоре заметил, что старик Эндрю любил Урсулу больше всего на свете. Когда он был в хорошем расположении духа, то он не мог нахвалиться своей племянницей; глаза его наполнялись слезами. Однажды он предложил мне жениться на Урсуле.

– Вы созданы друг для друга, – сказал он очень серьезно. – Что же касается приданого, то я знаю, что вы не ищете его, у вас самого всего вдоволь. Клянусь вам, капитан Литтлпейдж, клянусь, умница Урсула смеется с утра до ночи, а такой подруги должен желать для своего развлечения старый воин. Испытаете сами и потом скажете мне.

– Старый воин должен желать этого, не спорю, мой друг, но вы забываете, сколько мне лет, – я ребенок.

– Ребенок! Хорош ребенок, который дерется как лев! Разве я не видел вас в деле?

– Предположим, что так! Но женится не воин, а человек; и согласитесь, что я слишком еще молодой человек.

– Ошибаетесь, любезный мой, ошибаетесь! Урсула – это олицетворенная веселость, я люблю ее и очень часто говорил ей про вас, и этим уже проложил вам довольно свободный путь к ее сердцу.

Я уверял моего друга Эндрю, что совсем не думал о женитьбе и что, во всяком случае, если бы даже и надумал жениться, то, конечно, предпочел бы девушку с меланхолическим характером хохотушке. Мой отказ не рассердил старого землемера; не теряя надежды, он часто начинал говорить со мной об этом. Вскоре наш полк распустили, и я расстался с ним. Если нам не суждено было больше встретиться солдатами, все же я надеялся не терять из виду своего старого друга, и если бы он нигде не нашел для себя работы, то я хотел поручить ему работу у себя.

Выполнить мне это было легко. Мой дядя, Герман Мордаунт, оставил мне большое имение, которым я должен был владеть, достигнув совершеннолетия. Это обширное имение, находившееся там, где сейчас Вашингтон, было разделено и отдано еще при жизни дяди в арендное содержание, но большая часть межевых линий исчезла, и колонисты ждали более спокойного времени,

чтобы их возобновить. До тех пор Равенснест (так называлось имение) служил для владельца источником беспокойства и затрат, но земля была хорошая; сделаны были значительные улучшения, и поэтому можно было надеяться, что со временем она вознаградит и вернет все потерянное. Возле этого имения находилось имение Мусридж, пожалованное сначала первому генералу Литтлпейджу и старому полковнику Фоллоку, после смерти же последнего половина имения досталась Дирку Фоллоку, а дедушка передал тогда часть, ему принадлежавшую, единственному своему сыну. Имение это, разделенное раньше на большие части, вследствие несчастных обстоятельств и волнений, возникнувших позже, не сдавалось в аренду, следовательно, и не приносило никаких доходов.

Говоря обо всем этом, я считаю нелишним закончить здесь все предварительные объяснения. Во времена мира мы далеко не были богаты. Мой дедушка всего-то и имел Сатанстое, небольшую ферму, с прекрасной, впрочем, землей, и немного денег, которые приносили ему проценты. Счастливым днем для него был тот, когда он снова вступил во владение своим домом; это случилось в то время, когда Джей Карлтон вывел все свои отряды из Вест-Честера. Но в том же году дедушка умер от оспы, которой заразился в армии. Мой отец возвратился в Лайлаксбуш после выхода войск, последовавшего двадцать пятого ноября 1783 года. Дома и магазины, принадлежавшие нам в Нью-Йорке, были все время заняты неприятелем; это останавливало получение денег с жильцов, а поправить все эти дела стоило труда и не малого.

Тому, кто знает настоящее положение края, не очень легко представить себе прежнее его состояние. Чтобы хоть немного объяснить это, я приведу один случай, лично касающийся меня и который относится к тому времени, когда я уезжал в армию. В то же время этот случай даст мне возможность ближе познакомить читателя с одним человеком, который играл важную роль в разных периодах моей жизни. Я говорил уже про негра Джепа, слугу моего отца. В то время, про которое я говорю, Джеп был человеком средних лет, волосы его были с проседью, в нем были все достоинства и все недостатки людей одного с ним поколения и состояния. Матушка так была уверена в его преданности нам, что неотступно просила папеньку взять его с собой на время войны; негр был этому очень рад, во-первых, из страсти своей к приключениям, во-вторых, из-за ненависти своей к индейцам, против которых отец мой, в первые годы своей молодости, участвовал в нескольких экспедициях.

Но несмотря на то что Джеп выполнял обязанности слуги, он носил ружье и учился вместе с солдатами. Ливрея его была голубого цвета с красными украшениями, и поэтому Джеп казался одетым в мундир. Таким образом, он одновременно был и слугой и солдатом, переходя от одной обязанности к другой; иногда он вооружался даже заступом и становился земледельцем; вообще наши невольники выполняли все работы.

Как и всегда, по желанию матушки, Джеп провожал меня всюду, когда я отправлялся один, без отца. Матушка думала, и не без основания, что для меня необходимо присутствие верного слуги, и поэтому негр со временем сделался неотлучным при мне лицом. Эта перемена должности была ему приятна; со мной он часто отправлялся в дальние путешествия, а следовательно, ему представлялся каждый раз случай увидеть что-нибудь новое. Во время этих поездок он рассказывал мне случаи из своей молодости; эти рассказы давно наскучили моему отцу, слышавшему их по крайней мере сто раз, но для меня они имели большой интерес.

В то время, про которое я начал говорить, мы с Джепом возвращались в лагерь после долгой поездки, предпринятой мной по приказу дивизионного генерала. Тогда континентальная монета, как ее называли, была совершенно в упадке. За сто долларов бумажками едва давали один. Для путевых расходов у меня было немного серебра и от тридцати до сорока тысяч долларов континентальной монетой. Серебро было потрачено, и у меня оставалось две или три тысячи долларов бумажками. Этого было мало заплатить даже за один обед. Содержатели гостиниц делали гримасы, когда им платили такими деньгами. Пустота в моем кошельке тревожила меня, тем более что впереди у меня было еще два путешествия в такие места, где решительно не было никаких знакомых. Между тем нужно было найти убежище для нас и наших лошадей и не умереть с голоду. Конечно, это не могло стоить дорого, но все же выполнить это было для меня тяжело, так как не было денег.

Прибегать же к патриотизму жителей казалось мне тяжелым средством.

– Джеп, – сказал я, увидев деревню, где решили переночевать (потому что холод был нестерпимый и сознание мое начинало чувствовать необходимость иметь хороший горячий ужин, чтобы хоть отогреться немного). – Джеп, много ли у тебя денег?

– У меня, сударь? Странный вопрос!

– Если я тебя спрашиваю, так это потому, что у меня всего один йоркский шиллинг, а здесь он стоит восемнадцать пенни.

– Не много же, сударь, для двух пустых желудков, не говоря уже о лошадях. Маловато!

– Но больше у меня нет. Я должен был отдать тысячу двести долларов за обед и солому в том последнем месте, где мы останавливались.

– А, верно, континентальной монетой. Что ж, вы заплатили недорого.

– Но нам все же нужно есть и пить, лошади тоже проголодались. По крайней мере надеюсь, что бедных лошадей напоят даром.

– Конечно, сударь, конечно! – ответил, засмеявшись, Джеп.

Мне было не смеха.

– Подождите! Мне пришла одна мысль в голову. Не мешайте только Джепу. Он сумеет достать вам ужин, да какой еще ужин! Ступайте только вперед, сударь, распоряжайтесь, приказывайте, как сын генерала Литтлпейджа, а остальное я беру на себя.

Так как не было другого средства, я ударил лошадь обеими шпорами и вскоре потерял из вида негра. Я приехал в гостиницу на целый час раньше его; когда я заканчивал ужинать, Джеп вошел в комнату и, делая вид, будто не знает меня, стал позволять себе разные вольности. Его лошадь была поставлена в конюшне рядом с моей, вскоре я услышал, что он приказывает приготовить себе закуску.

Конечно, я был поселен в лучшей комнате гостиницы. Утолив голод, я принялся перечитывать некоторые бумаги по делам службы. Никто бы не подумал, посмотрев на меня, что в кармане моем был один только шиллинг; я имел вид человека, который в состоянии заплатить все, что скажут. Уверенность, что хозяин ничего не потеряет, подождав немного оплаты, придала мне особую смелость. Я закончил чтение и стал было думать о том, как провести несколько часов, оставшихся до сна, как вдруг услышал, что в общем зале Джеп настраивает скрипку. Как большинство негров, он знал музыку, часто занимался

ею и играл довольно хорошо.

Звуки скрипки в деревне в холодный октябрьский вечер должны были произвести эффект. Спустя полчаса хозяйка с улыбающимся лицом пришла пригласить меня пожаловать в зал, прибавив очень грациозно, что за танцовщиками дело не станет, тем более что пришла первая красавица деревни и не имеет кавалера.

У входа в зал я был встречен поклонами и приседаниями, из которых одни были смешнее других, но вместе с тем выражали добродушие и простоту. Джеп тоже поклонился мне очень церемонно, чтобы отклонить всякое подозрение насчет нашего знакомства.

Танцы продолжались довольно долго, наконец, часы возвестили молодым деревенским девушкам, что время возвращаться домой. Когда наступила минута расставания, Джеп почтительно протянул мне свою шляпу, и я с чувством собственного достоинства бросил в нее шиллинг и отошел в сторону. Вслед за моей монетой кто-то положил другой шиллинг, потом посыпались монеты разного достоинства, смотря на то, какими деньгами был наполнен кошелек каждого танцора. Чтобы закончить это дело, хозяйка, любившая танцы, объявила, что скрипач и его лошадь будут угощены даром; выслушав это, Джеп удалился. Благодаря этой гениальной находчивости Джепа, я нашел в своем кошельке на другой день шесть с половиной шиллингов серебром и столько других мелких монет, что в состоянии был бы целый месяц угощать негра сидром.

Я потом часто смеялся, вспоминая хитрость чудака негра, хотя и не позволял ему никогда больше повторять этой шутки. Проезжая мимо одного дома, владелец которого, казалось, принадлежал к высшему разряду общества, я, не будучи с ним знаком, явился к нему и объяснил свое положение. Выслушав меня внимательно и не требуя никаких доказательств в правдивости моих слов, он одолжил мне пять долларов серебром. Эта сумма была достаточна для покрытия предстоящих расходов. Нужно ли говорить о том, что я позже ему возвратил их с благодарностью.

Счастливая для меня минута была та, когда я, получив чин майора, мог считать себя свободным во всех своих действиях и поехать куда только захочется. Война была так однообразна и скучна с того времени как взяли Чарлзтаун и начали переговоры, что я начал скучать с получением своего звания; когда же страна

наша вышла из этой борьбы победительницей, я решил уехать оттуда.

Семейство наше, то есть матушка, бабушка, тетушка Мэри и младшая сестра моя, переехали в Сатанстое осенью 1782 года, а в начале зимы, после утверждения договора, хоть англичане и оставались еще в Нью-Йорке, матушка возвратилась в Лайлаксбуш. Когда я приехал с отцом, мы нашли оба имения в гораздо лучшем состоянии, чем могли ожидать. Заступ и грабли прошли по всем местам: разведены были новые плантации, все следы запустения исчезли. Моя матушка была удивительная хозяйка! Казалось, ее аккуратность и вкус присутствовали во всем, что окружало ее. Я никогда не забуду слов полковника Дирка Фоллока, когда мы осматривали однажды Лайлаксбуш:

– Не знаю, как это делается, никогда не увидишь в кухне миссис Литтлпейдж, а между тем присутствие ее в доме ощутимо везде; так везде чисто, все на своем месте!

Если это замечание было справедливо о самых отдаленных частях дома, то можете судить о наших комнатах. Там, где лично присутствовала матушка, все было в поразительном порядке; какой был во всем вкус и красота и в то же время ни малейшего следа роскоши!

Хотя отечество наше и многое вытерпело на протяжении семи лет внутренних беспорядков, но энергия молодой, неистощенной нации вскоре исправила все. Конечно, торговля полностью восстановилась намного позже; но, вообще, во всем улучшение было заметно даже в конце первого года. Купеческие корабли могли уже отправляться в путь с некоторой уверенностью на хороший результат. В конце 1784 года, обращение крови свободно восстановилось в венах нации. И тогда Америка полностью могла оценить свою самостоятельность. Это был большой результат всех наших усилий.

Глава III

Он сказал ей что-то такое, что вызвало румянец на ее щеках; уверяю вас, что у девушек такой румянец я предпочитаю всему.

«Зимняя повесть»

Игривые холмы Лайлаксбуша! Я никогда не забуду удовольствия, с каким я снова пробегал по вашим вершинам и любовался местами, напоминавшими мне счастливые годы моего детства! Была весна 1784 года, когда я сжал в объятиях мою матушку после двухлетней разлуки. Кэт, которой было уже девятнадцать лет, осыпая меня ласками, плакала и смеялась, точно так же, как это случалось с ней за пять лет до того. Тетушка Мэри взяла меня за руку, поцеловала один или два раза, и улыбнулась мне со свойственной ей прелестью. Весь дом был в приятном волнении. Джеп, приехавший со мной, встретил целый батальон маленьких Сатанстое (это было его прозвище), которые вешались на своего дедушку со всех сторон. Мне кажется, что прошло не меньше двадцати четырех часов, пока восстановилось полное спокойствие в доме.

После первых минут, посвященных матушке, я приказал оседлать лошадь, чтобы поехать в Сатанстое повидаться с бабушкой, которую ничем нельзя было заставить приехать жить в Лайлаксбуш. Генерал, как все называли моего отца, не приехал со мной потому, что накануне только возвратился из Сатанстое, но Кэт попросила меня ехать с ней. Так как все дороги находились в очень плохом состоянии во время войны, то мы решили ехать верхом, тем более что Кэт была превосходная наездница. Джеп, пользовавшийся именем заслуженного слуги и не имеющий почти никаких поручений, был послан за час или два до нашего выезда оповестить госпожу Литтлпейдж о скором приезде гостей.

Я слышал, что есть земли, где церемонность доведена до такой степени, что ближайшие родственники боятся допустить между собой чрезмерно близкие отношения. Сын не осмеливается прийти к отцу обедать, не имея на то официального приглашения. Благодарение Богу! Мы, в Америке, не дошли еще до такой утонченности. У нас нет отцов или дедов, которые не встретили бы с распростертыми объятиями и приветливой улыбкой своих детей, в какое бы время те ни явились. Если не хватает мест за столом, сдвигают стулья, вот и все; если не так хорош обед – посмеются и дело закончено. Впрочем, в этом я не вижу средства к развитию цивилизации; я очень хорошо знаю, что большая часть обычаев, предлагаемых просвещением, основаны на правилах рассудка, но при всем этом и природа имеет свои законы, и поэтому надо смело поддерживать их, когда они подвергаются нападкам.

В прекрасное майское утро, в девять часов, мы с Кэт миновали Лайлаксбуш и приблизились к давно знакомой нам дороге в Кингсбридж.

Мы остановились у дверей таверны в Кингсбридже, чтобы повидаться со старушкой Лиджер, которая содержала эту таверну больше пятидесяти лет и знала всю нашу фамилию от отца до сына. В этой доброй кумушке, имевшей, впрочем, довольно длинный язык, были и хорошие и дурные стороны; привычка дала ей право на наше внимание, и поэтому я не мог проехать мимо ее дверей, чтобы не остановиться хоть на несколько минут. Как только госпожа Лиджер услышала о нашем приезде, то сразу вышла на порог, чтобы лично встретить нас.

– Сон в руку! – закричала она, увидев меня. – Да, господин Литтлпейдж, на прошедшей неделе я видела сон. Пусть говорят теперь что угодно, а сны часто сбываются.

– А что вы видели? – спросил я, желая поскорее избавиться от обязанности слушать этот рассказ, потому что рано или поздно я должен был бы иметь это удовольствие.

– Однажды мне снилось, что генерал возвратится осенью; так и случилось. Что послужило основанием видеть этот сон? Пустой слух, а вы знаете, сударь… ах, что я говорю! Вы знаете, майор Литтлпейдж, можно ли верить этим слухам; вот на прошедшей неделе мне снилось, что вы непременно приедете на этих днях, и вы тут как тут.

– Нет ли еще чего-нибудь, что могло помочь вам, добрая хозяюшка, видеть этот сон?

– О нет! Почти ничего. Так, кое-какие слухи. А я им мало верю. Да, вот что: сегодня Джеп останавливался здесь на минуту, чтобы напоить лошадь, так я поэтому и догадалась, что мой сон сбудется, хоть и не обменялась ни словом с этим негром.

– Это удивительно, миссис Лиджер! Я думал, что вы всегда найдете, о чем поговорить с гостями.

– С неграми? Никогда! Они слишком быстро забываются, и поэтому я держу их на расстоянии. Что новенького? О, дай бог, чтобы теперь, после войны, все пошло хорошо! А уж я вам скажу, майор: королевские офицеры больше тратили

и щедрее платили, чем наши милицейские капитаны. Я имела дело и с теми и с другими… могу оценить их, поверьте мне.

– Но подумайте о том, что у первых кошельки были туже набиты, а имея состояние, можно быть щедрым.

– Конечно, так, вы правы, майор. Литтлпейджи богаты и щедры. Давненько я знаю их… что за добрые души! Всех знала и знаю, и вашего прадедушку, капитана Гу Роджера, и старого генерала – дедушку вашего, и молодого генерала, а про вас уж и говорить нечего! Да вами и не кончится эта фамилия. Какое счастье для Бэйярдов! Как они рады, я думаю, что кончилась война и что вы возвратились!

Мне казалось, что разговор затянулся, а поэтому, поклонившись хозяйке, мы поехали с сестрой дальше. Между тем меня удивили последние слова миссис Лиджер, и особенно тон, с каким она произнесла их. Имя Бэйярдов принадлежало известной фамилии, но я абсолютно не знал никого из них. Почему же возвращение мое могло быть счастьем или несчастьем для них? Весьма естественно, что я подумал об этом минуту или две и рассказал свои мысли сестре. Она ответила мне на это:

– Миссис Лиджер всегда толкует обо всем вкось и вкривь, а чаще всего, любезный брат, сама себя не понимает. Мы знаем одну только ветвь фамилии Бэйярд. Ведь ты знаешь, что маменька давно с ними в тайной дружбе.

– Решительно неизвестно, мой друг! Все, что я знаю, так это то, что в нескольких милях отсюда, на берегу реки, есть имение, которое носит это имя; но я никогда не слышал, чтобы маменька была в тесной дружбе с владельцами этого имения, напротив, если я не ошибаюсь, мне помнится, что когда-то был даже процесс между моим дедушкой и одним из Бэйярдов.

– О, все это уже забыто. Маменька говорит, что причиной этому было одно только недоразумение. Теперь мы искренние друзья.

– Очень рад слышать это; если мы дождались мира, то пусть он царствует везде. Но редко случается, чтобы старые враги становились искренними друзьями.

– Да мы никогда не были врагами… то есть, я хочу сказать, что дедушка не был ничьим врагом, и дело закончилось миролюбиво, до его несчастной поездки в Европу. Нет, нет, ты сам услышишь от маменьки, что Литтлпейджи и Бэйярды находятся в прекрасных отношениях.

Кэт говорила с таким жаром, что я поневоле стал пристальнее на нее смотреть. Бедный ребенок покраснел; конечно, она почувствовала это, потому что тотчас же отвернулась, чтобы избавиться от моего взгляда.

– Эти подробности доставляют мне большое удовольствие, – продолжал я сухо, – потому что теперь, если бы мне и пришлось встретиться с кем-нибудь из Бэйярдов, то по крайней мере знаю, с каким выражением лица его встретить. А что, все включены в эту амнистию?

Сестра смеясь ответила, что исключений нет, но что мы дружны с одной только ветвью этой фамилии.

– А сколько отпрысков у этой ветви? Дюжина или две?

– Только четыре человека. Ты видишь, что внимание твое не может быть отягощено. Надеюсь, что в твоем сердце найдется место для четырех друзей?

– Для тысячи, если бы я мог бы их найти, милая. Я всех признаю друзьями, кого ты только захочешь, но для любви нет места. Все уголки моего сердца заняты.

– Заняты? Ты шутишь! Неужели нет хоть маленького местечка?

– Да, правда, я забыл, что должен приготовить помещение для любви к брату, которым ты вскоре подаришь меня. Назови мне его, мой друг, назови, когда захочешь назвать, я готов полюбить его.

– Довольно с тебя и того брата, которым одарила тебя Аннеке; он прекрасный брат, лучше его ты не можешь желать.

– Хитришь, мой дружок, хитришь! Но чем скорее ты скажешь мне его имя, тем скорее я полюблю его. Послушай, он из Бэйярдов? Рыцарь храбрый и безукоризненный?

Лицо Кэт от природы не было бледным; но когда я задал ей этот вопрос и взглянул на нее, конечно, больше из шалости, чем из желания узнать что-нибудь новое, щеки ее были совершенно красные. Маленькая касторовая шляпка не могла скрыть ее застенчивости, и я справедливо начал думать, что задел Кэт за живую струну. Но сестра моя была находчивая; в минуту оправилась от замешательства и с уверенностью сказала:

– Надеюсь, мой друг, что новый брат твой, если только ты будешь иметь его когда-нибудь, будет если не совершенно безукоризненным, то, по крайней мере, достойным твоего уважения. Но если в семействе Бэйярдов есть Томас, то знай, что есть и Присцилла.

– А, а! Вот новость! Оставим же господина Томаса в покое, мне не к чему расспрашивать о нем, потому что я должен его любить по ордеру; уверяю, что мисс Присцилла, которую, впрочем, я никогда не видел, гораздо больше интересует меня.

Я не спускал с Кэт глаз; впрочем, несмотря на небольшое замешательство, этот разговор был, кажется, приятен для нее.

– Расспрашивай, узнавай, сколько тебе угодно. Присцилла может выдержать самый строгий экзамен.

– Во-первых, чтобы понять, на кого намекала эта старая болтунья, говоря, что Бэйярды будут счастливы и рады? Неужели на Присциллу?

– Право, я не знаю что и ответить: какая хитрая, несносная эта миссис Лиджер!

– Так оба семейства очень любят друг друга?

– Кажется.

– И молодые и старые?

– Молодые? Это уж слишком, – сказала, засмеявшись, Кэт. – Ты забываешь, что до твоего приезда молодых, кроме меня, никого не было в Лайлаксбуше. Но так как в этом я не вижу ничего дурного, то скажу тебе, что исключений нет.

– Так ты любишь старика Бэйярда?

– Без сомнения.

– А старушку Бэйярд?

– Это прекрасная женщина, добрая супруга и нежная мать.

– А мисс Присциллу?

– Как свою душу! – сказала с жаром Кэт.

– А господина Томаса?

– Так, как может и должна любить молодая девушка брата, лучшего друга своего.

Все эти ответы были без малейшего замешательства, хотя щеки сестры были краснее чем обычно.

– Но что общего может иметь все это с необыкновенной радостью, которую я доставил своим приездом? Не невеста ли уж ты Томаса? Не ждали ли только моего возвращения, чтобы обвенчать вас?

– Послушай, брат, – сказала мне твердым голосом Кэт, – я не могу принять на себя труд объяснить тебе все сплетни миссис Лиджер. Все новости она узнает от лакеев, поэтому ты можешь оценить их, зная теперь их источник. Но если ты думаешь, что я могла решиться на что-нибудь без твоего согласия, то этим ты доказываешь, что плохо меня знаешь.

Последние слова были произнесены с трогательным чувством. Я поблагодарил сестру выразительным взглядом, но говорить не мог. Через некоторое время я постарался, однако, возобновить разговор в том же духе:

– Я надеюсь, милая Кэт, что в подобных случаях мы всегда будем откровенны. Выйдешь ли ты замуж, или нет, ты всегда будешь моей любимой сестрой, и признаюсь, я сочту себя обиженным, если в таком случае буду сделан последним

поверенным лицом. Но поговорим о Присцилле. Ты думаешь, что она мне понравится?

– Не знаю. Но как бы я желала этого! Это будет самой счастливой минутой в моей жизни, когда ты скажешь мне, что любишь ее!

Видя, с каким жаром говорила Кэт, я поневоле стал думать, что обо всем этом она говорила серьезно. Вспомнив снова слова содержательницы таверны, я начал подозревать во всем этом какую-нибудь тайну. Мне очень хотелось открыть ее. Чтобы достичь этого, я должен был продолжать начатый разговор.

– Сколько лет мисс Бэйярд? – спросил я.

– Она старше меня на два месяца. Не правда ли, этот возраст хорош?

– Очень, очень хорош!.. Она любезна?

– Настоящий портрет Аннеке.

Этого заверения для меня было достаточно, потому что в наших глазах Аннеке была идеалом совершенства; и действительно, ничто не могло сравниться с тихим, спокойным, добрым характером моей старшей сестры.

– Ты делаешь блестящие похвалы ей!.. Она умна, образованна?

– Да, часто заставляет меня краснеть. Мать у нее прекрасная женщина, а мне кажется, что ты говорил когда-то, что мать могла бы иметь большое влияние на твой выбор.

– Это было давно, когда я был еще маленький, и к тому же еще до отъезда моего в армию. Мы, военные, охотнее смотрим на молодых женщин, чем на старых. Итак, я вижу, что все улажено между главами семейств. Мне остается объясниться только с Присциллой Бэйярд. А ты в заговоре?

Кэт громко захохотала.

– Ты не отвечаешь, Кэт? Позволь напомнить тебе, что между нами есть обещание ничего не скрывать друг от друга. В настоящее время я очень желаю, чтобы обещание это было выполнено точно! Существует ли такой проект насчет меня?

– Формальный, обдуманный, решенный проект?.. Нет, нет, тысячу раз нет! Может быть, своей откровенностью я наврежу исполнению дорогого для меня желания, но все же я скажу, что ты доставил бы сильное удовольствие и маменьке, и тетушке Мэри, и твоей покорнейшей слуге, если бы влюбился в Присциллу. Мы все нежно любим ее и желаем, чтобы ты подражал нам, – этим ты осчастливил бы всех нас. Не сердись на мою откровенность, но я слышала несколько раз, что дурно выраженное желание часто вооружает молодых людей против тех людей, кого они желали бы иногда боготворить.

– Может быть, это справедливо, но я могу тебя убедить, что на меня не произведет ни хорошего, ни плохого влияния. А что думают об этом Бэйярды?

– Откуда я могу знать? Никто из семейства не знает тебя, поэтому не могло быть и намека… конечно, несколько слов, сказанных…

– Да, которые ты, без сомнения, сказала своей подруге Присцилле?

– Никогда! – вскричала с живостью Кэт. – Я не могу говорить с ней о тебе.

– Ну, так говорили матушки?

– Не думаю. Миссис Бэйярд очень осторожна, а маменька слишком деликатна, чтобы первой начать разговор об этом.

– А! Знаю. Верно, генерал взял на себя труд женить меня, пока меня здесь не было.

– Папенька? Есть у него время!

– Так уж, верно, тетушка Мэри похлопотала об этом?

– Что ты! Добрая тетушка живет постоянно взаперти. Знаешь ли, мой друг, что маменька рассказала мне всю ее жизненную историю и то, почему она всегда

отказывалась от многих даже выгодных партий.

– Генерал рассказал мне тоже. Но если об этом сватовстве не знают ни папенька, ни маменька, ни тетушка, если о нем не думали ни старик Бэйярд, ни его супруга, то вспомни, любезная сестрица, что остаются два человека, между которыми может быть эта тайна – это господин Томас и ты. Согласна ли? Ну, олицетворенная откровенность, отвечай!

Кэт была поймана врасплох, – невозможно было вывернуться; я любовался замешательством, от которого она казалась мне еще милее. Помолчав немного, она доверчиво взглянула на меня и сказала:

– Я хотела предоставить маменьке сообщить тебе одно обстоятельство, в котором, я уверена, ты примешь живое участие, но теперь, чтобы сдержать обещание – быть с тобой откровенной, я расскажу тебе все сама.

– Надо помочь тебе, милая Кэт, я вижу это. Ты невеста Томаса?

– О нет! Это дело не так еще продвинулось. Он просил моей руки, но я отложила ответ до твоего приезда. Я ни за что не решусь принять предложение, прежде чем ты не одобришь его.

– Благодарю. Будь уверена, Кэт, что и я отплачу тебе той же монетой. Да, ты раньше всех узнаешь о намерении моем жениться, и тогда ты поможешь мне советом.

– Большая разница между правами старшего брата и правами молоденькой, неопытной девушки, которая, прежде чем сделать выбор, должна сама руководствоваться советами своих друзей.

– Но когда наступит это время, ты не будешь молоденькой, неопытной девушкой; ты будешь женщиной замужней, которая в состоянии дать совет, основываясь на собственном опыте. Но возвратимся к Томасу. Так, значит, ты обо мне говорила с ним?

– Да, – тихо ответила мне Кэт.

– А кто начал говорить об этом?.. Ты?

– Я не отказываюсь. Мы говорили однажды о тебе, и тогда я сказала, что надеюсь, что ты посмотришь на Присциллу так же, как все мы смотрим на нее. Вот и все.

– И вполне достаточно, моя милая, чтобы заставить Томаса повеситься.

– Повеситься! Почему?

– Потому, что этим ты очень ясно сказала ему, что ищешь другого средства соединить оба семейства, кроме того, которое лично его касается.

Кэт засмеялась; мое замечание ничуть не встревожило ее, поэтому я мог заключить, что молодой человек успел уже оградить себя, и если бы я осмелился найти его не по своему вкусу, то этим огорчил бы сестру.

– Когда же я увижу этого образцового молодого человека и эту совершенную девушку? Ведь надо же закончить чем-нибудь?

– Я не говорю, что Томас – совершенство. Он добрый, милый человек – и только.

– И вместе с тем хорош, без сомнения?

– Он далеко не так хорош, как ты, если это может только польстить твоему самолюбию.

– Бесконечно приятно, когда мне говорит это сестра. Но ты не ответила на мой вопрос.

– Если ты хочешь все знать, то я скажу тебе, что мы встретим сегодня брата и сестру у нашей бабушки. Она написала мне вчера, что пригласила их к обеду и что они обещали приехать.

– Что же это такое! Значит, и бабушка в заговоре!.. Значит, и она хочет меня женить волей или неволей?

Кэт опять засмеялась, и я невольно сознался, что сам, ничего не подозревая, помогал исполнению замысла, заранее подготовленного.

Нам оставалось не больше одной мили до Сатанстое, когда мы встретили Джепа, возвращавшегося из Лайлаксбуша; оттуда он вез матушке полную корзину фруктов. Кэт сказала мне, что мы получили приглашение, написанное по всем правилам, и поэтому я не мог понять, какая была необходимость посылать извещение о нашем приезде. Эту мысль я не высказал сестре, желая лично сам понаблюдать за обстоятельствами.

– Ну что, Джеп? – спросил я. – Как нашел ты Сатанстое после долгой отлучки?

– Не так хорош!.. Столько перемен!.. Но знаете ли, сударь, что я слышал в таверне, где останавливался на минуту, чтобы напоить лошадь?

– И чтобы самому выпить. Что же ты слышал? Продолжай.

– А вот что, сударь. Пока мы там были, новая хозяйка, которая, вы знаете, приехала из Коннектикута, сказала мне: «Куда едешь, цветной господин?» Ведь это было сказано приветливо, так ли, сударь?

– Ну, ну, ну! Рассказывай короче. Нельзя же с тобой стоять здесь целый век.

– Я ответил ей, что возвращаюсь в Сатанстое, откуда я давно уже уехал. Ведь вы никогда не догадаетесь, что она мне сказала?

– Нет, не догадаюсь. Говори скорей.

– «Что ты называешь таким странным словом, – сказала она, вытянув лицо, как будто перед ней леший стоял. – Сатанстое!.. Чертов ноготь! Ты, наверное, хотел сказать Дибльтон (город черта). Порядочные люди называют это место Ущельем». Как вам это нравится, сударь?

– Да, я знаю, что лет тридцать уже, как со всех сторон нападают на старинные названия. Разве ты забыл, Джеп, что янки всегда недовольны, пока не изменят чего-нибудь? Половину времени они употребляют на изменение выговора своих имен, а другую – чтобы портить наши названия. Пусть они называют Ущельем,

как им угодно, но ты и я, мы всегда будем говорить Сатанстое.

– Да как же иначе, сударь? Ведь все, у кого есть глаза, видят место, где Сатана оставил следы своих когтей? Большого ума здесь не потребуется.

Оставив Джепа продолжать свои рассуждения, мы пустили лошадей мелкой рысью.

– Не странно ли, право, – сказала мне Кэт, – что у чужих людей появляется такая страсть изменить название имения нашей бабушки? Предположим, что это название не совсем хорошее, но его произносят почти сто лет; мне кажется, что оно должно остаться по крайней мере по праву долголетия.

– Так, моя милая, но ты не знаешь еще, что такое притязание, тщеславие, глупость доморощенных гениев! Хоть я и молод, но все же прожил довольно, чтобы увидеть, что между нами царствует какой-то дух, который очень честолюбиво зовет себя духом прогресса, который пытается разрушать гораздо более важное, чем названия наших бедных жилищ; находит какая-то небывалая идея вкуса и роскоши, и, вследствие этого, заменяет принужденностью и педантством простоту природы.

Глава IV

Беатриса. Меня, против моего желания, послали звать вас обедать.

Бенедикт. Благодарю вас за труд, прекрасная Беатриса.

Беатриса. Этот труд ничего мне не стоит, точно так же, как вам ваша благодарность. Если бы можно было, я не пришла бы.

«Много шума из ничего»

На крыльце дома в Сатанстое нас ожидали бабушка и Томас, или, как звали его уменьшительно, Том Бэйярд. С первого взгляда, брошенного на Тома, я почувствовал сразу, что полюблю будущего моего зятя, со второго же я заметил,

что он занят только моей сестрой и никем больше. Это открытие было для меня очень приятным. Я никогда не был бы спокойным, если бы сестра моя, эта милая девушка, досталась человеку, который не сумел бы оценить ни достоинств ее, ни красоты. Моя добрая и, несмотря на полные шестьдесят лет, бодрая бабушка, приняла нас очень ласково и радушно; впрочем, она всегда нежно любила меня.

Том Бэйярд поклонился мне очень вежливо; легкая краска, выступившая на его лице, как будто говорила: «Я жених вашей сестры». Вообще, поведение его мне понравилось. Он не подбегал ко мне, не жал моей руки изо всех сил, как это делают многие, встретив человека первый раз в жизни. Он держал себя прилично, скромно, и только улыбка его показывала, как было бы ему приятно познакомиться со мной поближе.

В зале нас встретила мисс Присцилла. Почему она не вышла встретить нас на крыльцо – не знаю. Она была очаровательна. Прекрасные черные глаза, тонкая, стройная фигурка; грациозные светские манеры были обворожительны. Кэт и Присс, как звали ее обычно, дружески поцеловались. Меня мисс Бэйярд встретила очень спокойно, но ласково, хотя я, по некоторым, едва заметным признакам, догадался, что она уже не раз слышала, как ее имя примешивали к моему. Вероятно, Кэт в минуты откровенности проговорилась когда-нибудь.

Вскоре бабушка объявила нам, что мы останемся ночевать в Сатанстое. Никто не противился этому приглашению. Находясь в этом мирном доме, в малочисленном, но избранном кругу людей, я вскоре так близко познакомился со всеми, что к концу обеда мне показалось, что я окружен старыми друзьями. По взглядам Тома и моей сестры я заметил, что свадьба их – дело решенное.

Некоторое время мисс Присцилла как бы чуждалась нас, но вскоре она отбросила принужденность и стала такой, какой была всегда, то есть очаровательной. Я вынужден был сознаться в этом, да, вынужден, потому что остерегался ее и не хотел влюбляться в девушку, которая, несмотря на всю свою любезность, могла иметь дурной характер; а между тем, как мне показалось, ее непременно прочили за меня. Даже добрая бабушка была, по-видимому, в заговоре. Это ясно доказывал ее взгляд, беспрестанно обращенный то на Присс, то на меня, и радостная улыбка, появлявшаяся на ее лице, когда я начинал говорить с Присциллой.

Сватовство было давней страстью бабушки. Я слышал, что она старалась устроить свадьбу моих родителей за целые два года до того, как о ней стали

говорить; и поэтому она воображала, что этим счастливым союзом были обязаны ей одной. Воспоминание об этом успехе заставляло ее и во второй раз отважиться на такое дело, и поэтому я начинал подозревать: не собрала ли она нас под одну крышу, собственно, для того, чтобы осуществить свои планы насчет моей женитьбы.

Вечером мы согласились воспользоваться свежестью воздуха и прогуляться по окрестностям Сатанстое. В одном было затруднение: какую дорогу нам выбрать.

Кэт взяла на себя обязанности быть нашим провожатым и повела нас по берегу ручья. С обеих сторон возвышались скалы, а по самому берегу густой, плотный слой песка образовал прекрасную дорогу. Она была такая широкая, что мы могли идти все рядом. Мисс Бэйярд изъявила желание идти с моей сестрой. Я отстал немного, подошел к Тому и стал с ним разговаривать. Я рад был случаю узнать поближе того человека, который вскоре должен был стать членом нашей семьи.

Мы говорили о многом, наконец, разговор незаметно перешел на последние военные действия и на последствия, которые могли произойти от них со временем. Я знал, что многие члены семейства Бэйярдов приняли сторону короля и что имения их были конфискованы, но я знал также, что остальные были на противной стороне, и поэтому думал, что и Том принадлежал к числу последних. Вскоре, однако, я узнал, что он умеренный тори, желавший, чтобы мы получили удовлетворение в ответ на все наши справедливые требования, но чтобы вместе с тем оба государства остались неразделенными. Так как всем было известно, что Литтлпейджи, отец, сын и внук, были всегда противоположного мнения, чем семейство Бэйярдов, поэтому мне в Томе очень понравилась откровенность его.

– Разве вы не согласны, – сказал я ему, – что само расстояние между двумя странами должно, рано или поздно, привести к разрыву между ними? Невозможно, чтобы страны, разделенные океаном, могли долгое время составлять одно целое. Предположим, что разрыв этот преждевременный, чего я, впрочем, не признаю, но и тогда это такое несчастье, которое с каждым днем будет ослабевать все больше и больше.

– Разрывы в семействе всегда тягостны, майор Литтлпейдж, особенно если от них появляется вражда.

С последним словом Том бросил на меня почти умоляющий взгляд; по этому взгляду я легко убедился, что мнения наши не будут одинаковыми. Кэт и ее подруга присоединились к нам в конце разговора. К большому разочарованию, я узнал, что сестра моя защищает мнение Тома с большим жаром, чем следовало бы защищать урожденной Литтлпейдж. К великому удивлению, мисс Присцилла оказалась ревностной и даже слепой патриоткой. Она с жаром высказывалась против мнения брата и защищала все меры и учреждения чисто американские.

Признаюсь, я не был так снисходителен к патриотизму мисс Бэйярд, как к мнению моей сестры. Мне казалось естественным, что Кэт увлеклась мнением человека, за которого должна была вскоре выйти замуж. Гораздо строже я судил ее приятельницу. Для меня было странно, что она, принадлежа к семейству тори, так легко перешла на сторону человека, которого не могла любить, потому что видела первый раз в жизни.

– Не правда ли, майор? – сказала Присцилла, устремив на меня блестящие и одушевленные глаза, как будто бы ее слова выходили прямо из сердца. – Не правда ли, что Америка вышла из этой борьбы с такой неувядаемой славой, что ее история, даже через тысячу лет, будет удивлять и восхищать каждого?

– Это зависит от того, какова будет ее история впереди. Первые исторические сведения о всех великих нациях поселяют в нас удивление, тогда как даже более знаменательные факты исчезают, если они совершены народом незначительным.

Сказав это, я отдалился от Присциллы под предлогом, что хочу набрать раковин. Вскоре ко мне подошла сестра.

– Видишь ли, – сказала она, – Присс неустрашимый виг, не правда ли?

– Именно, неустрашимый. Это удивляет меня, тем более что я считал Бэйярдов совершенно противоположного мнения.

– И ты не ошибался. Том довольно умерен, но Присс – виг почти с тех пор, как я познакомилась с ней.

– Как, почти? Значит, она была раньше не тем?

– Не забудь, что мы обе очень еще молоды, а молодые девушки при вступлении в свет редко имеют свое собственное мнение; в течение трех лет взгляды ее постепенно изменились, и она все больше и больше становилась вигом. Не правда ли, она очень хороша собой?

– Хороша? Нет, этого мало: она восхитительна, очаровательна и сверх всего – виг!

– Я знала, что она понравится тебе! – воскликнула торжествующая Кэт. – Итак, моя любимая мечта осуществится!

– Твоя любимая мечта?.. Какая?.. Надеюсь, что эта мечта – не брак Литтлпейджа с девицей Бэйярд.

Кэт засмеялась, желая скрыть свое замешательство. Вскоре мы присоединились к нашим спутникам. Вероятно, слепой случай был причиной того, что Кэт пошла с Томом, а я очутился возле Присциллы. Не знаю, о чем говорили молодые люди, шедшие впереди нас, хотя не трудно было угадать, но мой хорошенький виг возобновил разговор о политике.

– Вы, наверное, удивились, майор, – сказала она, – когда услышали, как горячо я заступалась за свое мнение. Мой брат не такой ревностный американец, как я.

– Впрочем, я не обвиняю его за преданность к партии побежденных.

– Он, по крайней мере, чистосердечно высказывает свое мнение, майор, и мне кажется, что эта откровенность должна расположить вас в его пользу. Я желала бы этого от всей души, потому что от этого зависит судьба очень милых людей. Так как я единственный виг в семействе, то считаю своей обязанностью защищать нежно любимого брата.

Славно, подумал я: тактика довольно понятная, но я не так глуп, чтобы позволить явно обманывать себя. Не понимаю я эту девушку! По внешнему виду она, кажется, сама невинность и чистосердечность… Она – одно из прекраснейших существ, каких я только встречал до сих пор. Не нужно, однако, чтобы она заметила, что я ее остерегаюсь… будем тверды и отразим хитрость хитростью. Забавно было бы, если б я, храбро командовавший отрядом, позволил водить себя за нос какой-нибудь девочке, которая, предположим, была бы даже

прекраснее и наивнее этой очаровательной Присс.

Говоря внутренне с самим собой, можно за короткое время наговорить очень много, и поэтому мои последние рассуждения продолжались не больше нескольких секунд.

– Не понимаю, – ответил я, немного переждав, своей прекрасной спутнице – почему господин Бэйярд так сильно заботится о моем мнении? Я никогда не осуждаю за то, что думают иначе, чем я, о таких вещах, которые могут проявить неприязнь между самыми честными людьми. – Это, как мне показалось, было сказано с такой же невинностью, с какой говорила со мной моя милая собеседница.

– Как вы радуете меня, господин Литтлпейдж, говоря, что Том будет в восхищении. Я не скрою от вас, что он очень боялся свидания с вами.

Эти слова сопровождались восхитительной улыбкой, которая потом долго преследовала меня в мечтах, но я противился ее влиянию с упрямством человека, который боится быть обманутым. Однако я решился идти прямо к цели в отношении сестры и Бэйярда, а не забавляться больше пустыми намеками.

– Позвольте спросить, мисс Бэйярд, – сказал я, – какую пользу мое мнение может принести вашему брату?

– Разве вам неизвестно, о чем я говорила? – ответила с удивлением Присцилла. – Взгляните на эту пару, которая идет перед нами, и вы поймете, что ваше мнение очень важно для нее.

– Мне кажется, что то же самое можно сказать и о нас, мисс Бэйярд, по крайней мере так говорит мне мой небольшой опыт. Двое молодых людей идут вместе так же, как и мы; кавалер восхищается своей дамой, и согласитесь, что я был бы человеком без вкуса, если бы не стал восхищаться своей дамой.

Попалась, подумал я. Посмотрим, как она отразит удар.

Присцилла отделалась очень искусно: она засмеялась, а потом отстранила сравнение, во-первых, выражением лица, а во-вторых, словами.

– Это совсем другое, – сказала она. – Мы чужие друг другу, между тем как Том и Кэт давно знакомы. Мы не чувствуем никакой взаимной склонности, хотя и желаем иметь друг о друге хорошее мнение, – я, как друг вашей любимой сестры, а вы, как единственный брат моей подруги. Этим ограничивается все, что между нами может быть общего, – прибавила она заметно умышленно, – и если впоследствии, когда мы ближе узнаем друг друга, наши взаимные отношения и разовьются в чувство, то это чувство, однако, никогда не перейдет за границы искренней дружбы. Что же касается тех, которые идут впереди нас, то там совсем не то: там любят друг друга, любят искренне, любят давно… Мой брат очень заботится о том, что вы о нем будете думать. Кажется, я довольно ясно высказала вам все?

– Очень ясно, и этим вы заставляете меня быть тоже откровенным. Во-первых, я протестую против того, что было сказано о второй паре, кроме участия, принимаемого ею к первой. Во-вторых, я объявляю, что Кэт Литтлпейдж может располагать собой, как ей угодно, не заботясь о брате, и я не вижу ни в господине Томе, ни в его семействе ничего, чем мы не должны были бы гордиться. Кажется, что я тоже говорю довольно ясно?

– О да. Благодарю вас от всей души. Признаюсь, я немного боялась за политические взгляды Тома, но, к счастью, все мои опасения рассеялись, и я не вижу больше причины беспокоиться.

– Как могли вы беспокоиться на мой счет, тогда как отец, мать и бабушка Кэт – все, если я не ошибаюсь, одобряют ее выбор.

– Ах, господин Литтлпейдж! Следовательно, вы не знаете вашего влияния на семейство. Отец ваш, матушка, сестра и бабушка – все одинаково отзываются о вас. Когда слушаешь иногда, как генерал рассказывает о каком-нибудь военном подвиге, право, думаешь, что он командовал только небольшим отрядом, а капитан Литтлпейдж – корпусом; миссис Литтлпейдж смотрит на все вашими глазами и не имеет другого мнения, кроме вашего, во всем, даже в хозяйстве; у Кэт вечно на языке имя брата: «брат говорит это… брат пишет это…»; а ваша бабушка думает, что ее вишни и персики не созревали, если бы майор Литтлпейдж, любимый внук ее, не сиял как яркое солнце!

Все это было сказано просто, шутя и так мило, что можно было сойти с ума.

– Вы мастерской кистью изобразили картину вымышленных семейных слабостей, мисс Бэйярд, я не скоро забуду ее. Она еще забавнее покажется в обществе, когда вспомнят, как мало майор Литтлпейдж заслуживает такого снисхождения.

– Последняя черта не принадлежит к моей картине, майор! Я от нее отказываюсь. В свете никто не узнает ее; а я и вы – не свет.

– Мы никогда не будем заменять друг для друга света. Это последнее мое замечание объясняет мою откровенность при нашем новом знакомстве. Вы понимаете теперь, почему Том так высоко ценит вас, а следовательно, и ваше мнение. Ваша сестра не вышла бы за него замуж, если бы вы плохо о нем думали.

– А иначе она выйдет за него?

– Не мне отвечать на этот вопрос. Оставим этот разговор; теперь я совершенно спокойна, зная, что вы не испытываете никакой политической неприязни к бедному Тому.

– Никакой, уверяю вас, никакой, легко быть великодушным, когда торжествуешь. Успех должен делать нас, вигов, снисходительными. Уверяю вас, что не буду возражать против политического мнения вашего брата. Матушка моя тоже придерживалась партий тори, на продолжении почти всей войны, и мне кажется, что Кэт от нее унаследовала эту приверженность.

Пока я говорил это, странная и даже, как мне показалось, тягостная улыбка появилась на лице Присциллы Бэйярд.

Заметив, что она больше не желает говорить на эту тему, я переменил разговор.

Мы с сестрой остались гостить в Сатанстое. Томас, живший недалеко, навещал нас каждый день. На протяжении этого времени я видел Присциллу два раза: один раз, когда сделал визит ее отцу, а другой – когда она приехала верхом, повидаться с сестрой.

Признаюсь, ни одна женщина не казалась мне непостижимее Присциллы.

Она была или превосходная актриса, или невинный, простодушный ребенок. Легко было заметить, что все мое семейство и даже родственники молодой девушки желали, чтобы я женился на Присс, но я не мог понять собственных ее чувств.

Она была слишком хороша, слишком грациозна, чтобы можно было на нее смотреть без восхищения, но я сомневался в ее искренности; мне казалось, что ее простота – верх искусства.

Легко угадать, что при этих обстоятельствах я берег и берег строго свое сердце, несмотря на желание моих друзей и на привлекательность мисс Бэйярд. Нельзя быстро влюбиться, когда подозреваешь увидеть недостатки, точно так же, как нельзя увидеть недостатки, когда уже влюблен.

Глава V

Тот был бы прекраснейшим человеком, кто держался бы середины между ним и Бенедиктом; потому что один, как истукан – не раскрывает рта; другой же, совершенно старший сын миледи – беспрестанно болтает.

Беатриса

В день, назначенный для нашего отъезда из Сатанстое, у меня был любопытный разговор с бабушкой. Мы говорили перед завтраком, пока Томас и его сестра, приехавшие накануне, чтобы проститься с нами, не сошли еще вниз. Бабушка назначила мне свидание в маленькой, вновь построенной беседке. Мы с удивительной точностью пришли туда одновременно в назначенное время. Увидев озабоченное лицо бабушки, я подумал, что она хочет сообщить мне что-нибудь важное. Любопытствуя узнать скорее, в чем дело, я сел на предназначенное мне место. Оба кресла стояли напротив друг друга. Бабушка надела очки, пристально на меня посмотрела, поправила мне волосы, как она это делала, когда я был ребенком. Заметив, что глаза ее наполнились слезами, которые медленно покатились по щекам, я стал опасаться, не оскорбил ли я ее чем-нибудь.

– Ради бога, бабушка, скажите, что такое случилось? Не сердитесь ли вы на меня?

– Нет, мой друг, нет. Ты всегда был добрым и почтительным внуком. Да, тебя нужно было бы назвать Гу… я буду повторять это пока жива. Я говорила об этом твоему отцу, когда ты родился, но он влюблен был в имя Мордаунт. Я согласна, это имя очень хорошее, уважается даже, как я слышала, и в Англии, но это скорее фамилия, чем имя… теперь, конечно, уже поздно: ты Мордаунт, Мордаунтом и останешься. Говорили ли тебе когда-нибудь, что ты похож на своего деда?

– Как же, бабушка! Маменька часто говорила мне об этом. Она несколько раз повторяла, что моя фамилия должна была бы быть Мордаунт, так я похож на ее отца.

– На ее отца! Какая мысль! Я в этом узнаю Аннеке! Она прекрасная женщина, я люблю ее как родную дочь; но иногда у нее бывают странные идеи! Чтобы ты был похож на Германа Мордаунта! Да ты вылитый портрет дедушки Литтлпейджа!

Я не возражал бабушке. Что же касается меня, то я всегда слышал, что в чертах моего лица было сходство с обеими фамилиями, что и давало право обоим семействам оспаривать свою часть, и возбуждало в каждом из них пристрастие ко мне. Моя добрая бабушка до того была убеждена в действительном сходстве моем с «старым генералом», как обычно она называла покойного своего мужа, что прежде, чем сказать мне, зачем она позвала меня в беседку, она вытерла глаза, устремила на меня взор и сказала:

– О, эти глаза!.. этот лоб!.. рот!.. уже не говорю об улыбке… какое сходство!

После всех этих сравнений я не знал, что же осталось на долю фамилии Мордаунта. Правда, у меня были голубые глаза, а у «старого генерала» черные как смоль; нос у меня был греческий, тогда как у него был чисто римский; но моя милая бабушка не обращала внимания на такие мелочи.

– Ну, мой друг, – сказала она наконец, – что скажешь ты о женихе Кэт? Господин Бэйярд прекрасный молодой человек, не правда ли?

– Так он точно жених Кэт? И сестра согласна?

– Как же, мой друг! – сказала бабушка, улыбнувшись лукаво, как семнадцатилетняя девушка. – Давным-давно! Все решительно согласны, а Аннеке просто в восхищении! Не хватало только твоего одобрения. «Видите ли, бабушка, сказала мне Кэт, не хорошо, если я, не дождавшись брата, соглашусь выйти замуж за человека, которого он не знает. Подождем его возвращения». Не правда ли, это очень умный поступок с ее стороны.

– Очень, очень! Впрочем, если бы я не одобрил ее выбора, что случилось бы тогда?..

– Злой мальчик! Что? Тогда подождали бы, и потом постарались бы переубедить тебя. Скажи, могло бы это случиться?.. Но ты согласен, и поэтому теперь нет никаких препятствий к счастью Кэт. В письме, полученном из Лайлаксбуша, твои родители писали о их формальном согласии. Вчера Кэт написала им о своем, и если бы ты знал, как мило было написано это письмо! Одна матушка твоя, Аннеке Мордаунт, могла бы разве написать так хорошо, и то в прежние года.

– Я очень рад, что все устроилось по вашему желанию, и никто, конечно, больше меня не желает счастья сестре… она прекрасная девушка!

– Не правда ли? В полном смысле Литтлпейдж! О, она будет счастлива. Все браки в нашем семействе были благополучными. А что, мой друг, когда Кэт выйдет замуж, ведь ты останешься один.

– Да, бабушка. Я думаю, вам будет приятно, если я буду навещать вас один, без сопровождения целой ватаги ребят и кормилиц.

– Мне?.. Приятно?.. Да я буду, напротив, в отчаянии, если теперь, после окончания войны, не увижу тебя женатым. Дети?.. Да это просто страсть моя! Я всегда сожалела о том, что у Литтлпейджей их было мало, особенно мальчиков. Нет, любезный Мордаунт, мое искреннее желание видеть тебя обязательно женатым и иметь на своих руках новое поколение Литтлпейджей. Я вырастила уже два и буду совершенно счастлива, если Бог даст мне счастье увидеть третье.

– Добрая бабушка, какой я должен сделать вывод из вашего разговора?

– То, что я желаю, чтобы ты женился. Не я одна желаю этого, это желание твоего отца, матери, сестры – одним словом, всего семейства.

– И все семейство желает, чтобы я женился на одной и той же девушке, не правда ли?

Бабушка улыбнулась и не ответила. Может быть, она чувствовала, что слишком быстро повела дело. Но она была слишком откровенна, чтобы начать отпираться.

– Мне кажется, что ты не ошибаешься, – сказала она наконец. – Наше общее желание заключается в том, чтобы ты как можно скорее влюбился, объяснился и чтобы свадьба твоя была немедленно, как только на это согласится Присцилла Бэйярд.

– Вот это ясно, бабушка! Я буду подражать вам в откровенности и прежде всего спрошу вас: разве не довольно одного брака, чтобы связать два эти семейства? Что за беда, если я останусь равнодушен ко всем достоинствам Присциллы, когда сестра моя выходит за ее брата?

– Но знаешь ли, Мордаунт, что Присцилла Бэйярд первая красавица в Йоркской колонии.

– Теперь это не колония, а штат, бабушка. Я согласен с вами, мисс Присцилла очаровательна.

– Ну так что? Что ты желаешь еще?

– Я не говорю, что я навсегда отказываюсь жениться на ней, но это время не пришло еще. Это слишком важный шаг в жизни, и поэтому надо сначала подумать.

Бабушка была, кажется, поражена. Ей казалось, что она действовала неудачно, и поэтому, устремив глаза в землю, она некоторое время молчала.

– Послушай, Мордаунт, – сказала она наконец, – тебе известно, что я принимала немалое участие в браке твоих родителей, а ведь едва ли какой союз был счастливее этого.

Об этом я слышал от бабушки несколько раз и прежде, и каждый раз, когда она говорила, легкая улыбка появлялась на лице матери; улыбка эта, казалось, опровергала все бабушкины показания. Мои родители обвенчались по взаимной любви, и я чувствовал, зная их характеры, что иначе и не могло быть. Я хотел следовать их примеру и поэтому решил уже отвечать бабушке с такой энергией, какая, может быть, и не шла внуку, как вдруг обе подруги, Присцилла и Кэт, показались у дверей беседки и положили конец нашей секретной беседе. Никогда молодые девушки не бывают так милы, как в деревне, в своих легких, простых, утренних нарядах. Моя сестра была мила; но мисс Присцилла – очаровательна; она шла с улыбкой, непринужденным, спокойным шагом; одним словом, она была так хороша, что я готов был сказать на ухо бабушке, что решил серьезно подумать о том, что она мне сказала.

– Мордаунт оставляет нас на все лето, мисс Бэйярд, – сказала бабушка, не считавшая себя еще побежденной. – Я удержала его здесь, чтобы поговорить с ним кое о чем. Кэт будет часто приезжать сюда, но Мордаунта мы не увидим раньше зимы.

– Господин Мордаунт едет путешествовать? – спросила мисс Бэйярд с таким любопытством, какого требовала не более как учтивость. – Если он едет в Лайлаксбуш, то это так близко, что можно было бы иногда приезжать сюда.

– О нет, он уезжает далеко, далеко, в такую часть света, что я просто в ужасе!.. Дрожу за него!

При этих словах мисс Бэйярд обнаружила некоторое удивление; она молчала, но глаза ее были вопросительно устремлены на меня.

– Я вижу, что нужно объясниться, в противном случае мисс Бэйярд может подумать, что я еду в Китай. Дело в том, что я не выезжаю из Йоркского штата.

– Предположим. Но штат так обширен, что я вполне понимаю беспокойство бабушки, если ее внук уедет к самой границе. Вы, может быть, едете, майор, к Ниагарскому водопаду? Многие из молодых американцев думают предпринять эту поездку, я сама была бы восхищена, если бы поскорее исправили дороги, чтобы можно было ездить дамам.

– Какая вы смелая, мисс Бэйярд! – воскликнула бабушка, не желая упускать ни малейшего случая похвалить Присциллу.

– Мне кажется, миссис Литтлпейдж, для этого не надо большой смелости. Правда, по дороге попадаются индейцы, нужно переезжать большую степь, но эту поездку уже совершали дамы, как я слышала. Так много чудесного рассказывают об этом водопаде, что, право, я решилась бы на все опасности, чтобы только увидеть его.

Переносясь к годам моей молодости, когда путешествие к Ниагаре казалось тоже опасным, как и путешествие в Европу, я едва могу понять, каким образом в такое короткое время все так могло измениться[1 - Читатель должен представлять, что эта рукопись была написана много лет тому назад. Даже и тогда путешествие к Ниагаре было предприятием серьезным; нынче благодаря железной дороге расстояние от четырехсот пятидесяти до пятисот миль можно проехать меньше чем за тридцать шесть часов!].

– Мне было бы очень приятно, – сказал я к невыразимой радости бабушки, – быть вашим рыцарем в то время, мисс Бэйярд.

– Так вы точно хотите предпринять это путешествие, майор?

– Не сейчас. Таким удовольствием я надеюсь воспользоваться позже. Теперь я еду в Равенснест, который находится только в пятидесяти милях от Олбани.

– Равенснест, воронье гнездо! Вот прекрасное название! Что это такое Равенснест, господин Литтлпейдж?

– Довольно большое имение, которое досталось мне от дедушки Мордаунта. Мой отец и полковник недалеко от этого имения имеют свои владения, которые называются Мусридж. Я должен посетить оба эти владения. Пора заняться ими, так как на протяжении войны они были совершенно заброшены.

– Говорят, что ко всем работам приступят тут же, как только наступит лето, – сказала Присцилла. – Очень многие плантаторы из Штатов и Новой Англии едут сюда.

– Трудно, мне кажется, найти другую девушку, которую бы все это интересовало так, как вас, мисс Бэйярд. Я по всем признакам вижу, что говорю с вигом, а это синоним доброй патриотки.

Присцилла покраснела и, казалось, решила молчать, но Кэт поддержала разговор.

– Кто ж этот чудак старик, о котором ты мне говорил, Мордаунт, – спросила она, – с которым ты ведешь переписку о землях?

– Ты, наверное, спрашиваешь меня о старом сослуживце землемере? Это прозвище, которое дали капитану нашего полка, Койемансу. Теперь этот капитан снова принялся за свое ремесло, и ему я доверил все дела по имению.

– Как! Вы доверили все простому землемеру? – спросил Томас, приближаясь к нам.

– Эндрю Койеманс прекрасный землемер. Он принял на себя эти обязанности, но вместе с тем взял с собой межевщика под свою ответственность, потому что он сознает, что слаб в вычислениях. Могу вас успокоить, что в колониях все будут ему доверять.

– Вы сказали, майор, что его зовут Койеманс? – спросила равнодушно мисс Бэйярд.

– Да, мисс, его зовут Эндрю Койеманс, он принадлежит к почтенной фамилии. Но этот старик так привязан к лесам, что нужен был весь его патриотизм, чтобы заставить его выйти из них перед началом войны. Прослужив с честью всю кампанию, он возвратился опять к своим обязанностям и поэтому говорит, что он вечно носит цепи, хотя и дрался за свободу.

Присцилла, как мне показалось, колебалась. Наконец она спросила:

– Не видели ли вы когда-нибудь племянницу землемера, Урсулу Мальбон?

Этот вопрос очень удивил меня. Я никогда не видел Урсулу, но дядя ее так часто мне рассказывал про свою племянницу, что для меня она была близкой

знакомой.

– Откуда вы знаете ее? Где вы ее встречали? – воскликнул я неосторожно (потому что свет велик, и в нем могли встретиться две девушки и без моего ведома; тем более что одну из них я никогда не видел, а с другой был знаком всего лишь пятнадцать дней). – Старик Эндрю много рассказывал мне про свою племянницу, но мне и в голову никогда не пришло бы, что вы могли быть знакомы, вы, которая занимает такое положение в свете!

– Несмотря на это, мы не только знали друг друга в пансионе, но были даже подругами. Я очень люблю Урсулу, несмотря на то, что она тоже странная, как и ее дядя, если только верить всему, что говорят о нем.

– Удивительно! Позвольте вам задать один вопрос, хотя он, может быть, удивит вас, после всего, что вы сейчас мне сказали, но я не люблю долго сомневаться: может ли Урсула Мальбон своим образованием и своей любезностью сравниться с мисс Бэйярд?

– Сравниться? Во многом она гораздо выше многих своих сверстниц. Я и раньше слышала, что она из хорошей фамилии, но она бедна, очень бедна, особенно сейчас.

Присцилла замолчала, голос ее дрожал, и я заметил даже слезы в ее глазах.

– Бедная Урсула! Она нуждалась еще в пансионе, а между тем никто из нас не посмел сделать ей никакого подарка. Мне страшно было попросить ее принять ленту или что-нибудь другое, тогда как сделать это с Кэт или с другой подругой мне не стоило бы труда. У Урсулы прекрасная душа, но не все ее понимают!

– Точно так же, как и старика Эндрю. Он был очень беден, я видел, каким тяжелым лишениям он подвергал себя, чтобы только быть в состоянии платить за Урсулу и в то же время содержать себя в полку, но никогда ни мой отец, ни кто другой не могли заставить его взять доллар, взять даже взаймы. Он готов был помогать, но помощи не принимал ни от кого.

– Это меня не удивляет, Урсула точно такая же. Но если у нее и есть некоторые слабости, зато есть и благороднейшие качества души; это заставляет прощать ей странности ее характера.

– Странности, которые она, без сомнения, унаследовала от Койемансов, если судить даже по дяде.

– Мальбоны не имеют ничего общего с Койемансами, – с живостью сказала мисс Бэйярд. – Мать Урсулы была двоюродная сестра капитана Койеманса, и у них были разные отцы.

Мне показалось, что мисс Присцилла немного покраснела, как бы стыдясь подробностей, которые она рассказала о генеалогии Мальбонов.

Она наклонилась, сорвала розу и стала нюхать ее, с видимым желанием переменить разговор; в это же время послышался колокольчик, призывавший к завтраку; таким образом больше ничего не было сказано ни о землемере, ни о его чудесной племяннице.

После завтрака нам привели лошадей. Я нежно поцеловал бабушку, которую должен был увидеть не раньше, как осенью, и получил от нее благословение; дружески сжал руку Томаса, который обещал приехать в Лайлаксбуш до моего отъезда. Потом, приблизясь к его сестре, которая дружески протянула мне руку, я сказал:

– Надеюсь, мисс Бэйярд, что я вижу вас не в последний раз перед моим отъездом? Вы должны визит моей сестре; я буду ждать его, и до того времени откладываю тяжелое слово: «прощайте».

– Вот странная любезность, Мордаунт! – вскричала, засмеявшись, Кэт. – От нас до Гикариеса всего пятнадцать миль. Вы должны, во-первых, знать это, любезный братец, а во-вторых, не забывать приглашение, которое вам сделали, приехать туда и показаться в майорском мундире.

– Да, вы не должны забывать приглашения, сделанного папенькой и братом, – прибавила довольно живо Присцилла, – они будут очень рады видеть майора Литтлпейджа.

– Сделанного папенькой и братом! Почему и не тобой, госпожа степенная? – сказала Кэт, которой, кажется, очень хотелось привести Присциллу в замешательство. – Мне кажется, что мы достаточно хорошо уже знакомы и ты

можешь приглашать и от своего имени.

– Когда я буду жить своим домом, если только это случится когда-нибудь, я постараюсь тогда не потерять звание гостеприимной хозяйки, – сказала очень спокойно Присцилла, – до тех же пор я могу предоставить папеньке и брату выполнять все обязанности.

Говоря это, Присцилла была восхитительна; все улыбки, которые окружали ее, она встречала с рассчитанным равнодушием. Характер ее был для меня решительно непонятен; желание разгадать его могло бы быть для меня гибелью, если бы я посвятил этому хотя бы месяц. Но Провидение распорядилось иначе.

На обратном пути в Лайлаксбуш сестра сказала мне тихо, с удивительным замешательством, что она произнесла роковое «да»… Но что свадьба ее будет после моего возвращения с севера, в середине осени.

– Итак, мой добрый друг Кэт, я увижусь с тобой только для того, чтобы снова проститься с тобой?.. Чтобы потерять тебя!.. – прибавил я с сильной грустью.

– Расстаться!.. Потерять! О нет, нет! Я буду в семействе, где ты скоро найдешь свою невесту.

– Но если я и появлюсь в этом семействе, то почему я могу надеяться на успех?

– Этот вопрос тебе запрещен. Если бы я не надеялась, что ты преуспеешь, зачем бы я обманывала свою подругу? Мы, девушки, не так просты, как вы думаете, господа, и к нам вы можете пройти одной лишь прямой дорогой. Ты хорош собой, прекрасно сложен; потом: года, состояние, фамилия, характер – все в твою пользу…

– Право, я не знаю, что подумать о твоем друге; это – или совершенство природы, или совершенство искусства.

– Искусства! Присцилла притворщица! О, Мордаунт, ошибаешься! В ребенке не может быть больше чистоты и наивности, сколько в сестре Тома.

– Да, это правда, сестра Тома, конечно, имеет все совершенства; но заметь, что и дети бывают очень дурные. Все, что я могу сказать тебе, так это то, что Том мне нравится, родители его тоже, но что о твоем друге я до сих пор не составил определенного мнения.

Кэт была уязвлена и не ответила ничего. Вскоре, впрочем, гнев ее прошел, и мы принялись говорить о разных вещах, но фамилия Бэйярдов больше не произносилась ни разу, хоть я и уверен, что моя спутница беспрестанно думала о Томе, точно так же, как у меня не выходила из головы прекрасная его сестра.

Глава VI

Они любят слои земли, потому что они принадлежат им; другой причины они не хотят и знать; они готовы протянуть руку королю, думая, что этим сделают ему честь; грубые, необходительные, они никого не боятся, никого не уважают; такими они живут, такими и умирают; из них можно исключить только нескольких ренегатов, которые занимаются разными отраслями торговли.

Галлек

Спустя день или два после моего возвращения в Лайлаксбуш, можно было увидеть одну из тех семейных сцен, которые так обыкновенны в летние июньские дни на берегах нашего старого Гудзона. Я говорю старого, потому что он такой же древний, как и Тибр, хотя никто не говорил о нем так много и так давно, как о последнем. Через тысячу лет эта река будет известна всему миру, и слава о ней сравняется со славой Дуная и Рейна. Если посадки берегов Гудзона не доставляют теперь такого вина, какое получается на Рейне, по крайней мере они улучшаются изо дня на день все больше и больше. Все беспристрастные путешественники соглашаются с этим.

На довольно обширной лужайке в Лайлаксбуше, недалеко от реки, возвышается густая липа, посаженная еще моим дедом. Под ее тень мы часто приходили в жаркие летние дни, под ее ветвями часто сидели генерал Литтлпейдж и полковник Дирк Фоллок после своего возвращения из армии, курили трубки и вспоминали разные случаи из своей походной жизни.

В полдень того дня, о котором я рассказываю, все наше семейство сидело под этой липой; на небольшом от нас расстоянии стоял столик, на который были поставлены несколько бутылок вина и корзинка с плодами. Маменька села возле меня, потому что я не курил, а тетушка Мэри и Кэт скрывались за густым табачным дымом. У самого берега стояла большая лодка. Джеп лежал, растянувшись на траве, посередине между липой и рекой; несколько ребятишек кувыркались у его ног. В лодке сидел его сын и ждал нас.

Эти приготовления говорили о скором моем отъезде на Север. Ветер был южный, и поэтому лодки разной величины беспрестанно сновали по реке.

В то время на Гудзоне не было и десятой части числа судов, какое находится сейчас; к тому же и строились эти суда совершенно иначе, чем нынче: они прекрасно шли по ветру; когда же ветер менялся и начинал дуть с противоположной стороны, они никуда не годились; обычно нужно было от восьми до пятнадцати дней, чтобы достигнуть Олбани, хоть ветер был и южный. Все равно никто не переезжал это расстояние между Олбани и Нью-Йорком иначе, как в этих лодках. Я ждал прибытия «Орла», судна, которым командовал капитан Боджер. Выбрать это судно заставило меня обстоятельство, так как в кормовой части его были устроены ряд комнат; а этого не было в то время ни в одной другой лодке.

Поручив Джепу известить меня о прибытии «Орла», как только он увидит его, я, не беспокоясь, мог посвятить последние минуты перед отъездом разговору с родными.

– Мне было бы очень приятно съездить к старой миссис Вондэр-Гейзен, – сказала мне матушка, – это одна из наших родственниц, к которой я очень хорошо расположена. С воспоминанием о ней связывается в памяти моей воспоминание об ужасной ночи, проведенной на берегу реки. Я говорила когда-то об этом.

Сказав это, матушка бросила печальный взор на генерала, который ответил ей выразительным взглядом.

– Не худо было бы, Аннеке, – сказал мой отец, – если бы майор посетил могилу бедного Гурта, чтобы узнать, сохранился ли над ней камень. Быть может, памятник и разрушен. Я там не был с тысяча семьсот шестьдесят восьмого года.

Все это мой отец говорил так тихо, чтобы слов его не могла слышать тетушка Мэри. Но хоть генерал и говорил тихо, однако его подслушал полковник Дирк Фоллок, потому что спустя несколько минут он спросил:

– А что стало с могилой лорда Гове?

– О, колония позаботилась о ней. Ее скрыли, кажется, в церкви Святого Петра. Об этом памятнике беспокоиться нечего; но мне хотелось бы узнать о могиле Гурта.

– Сколько перемен произошло в Олбани с тех пор, как мы были там еще в своей молодости, – сказала задумчиво маменька, – скольких нет уже в живых!

– Что ж делать, мой друг? Время уходит, а вместе с собой уводит и нас. Надо благодарить Бога за то, что наше семейство осталось довольно многочисленно после этих долгих и кровавых войн.

На лице матушки выразилось внутреннее волнение; я уверен, что в эту минуту она благодарила Провидение за нашу жизнь.

– Пиши нам как можно чаще, – сказала мне матушка после долгого молчания. – Теперь, в мирное время, все сообщения свободны.

– Говорят, сестрица Аннеке (так называл мою мать полковник Дирк Фоллок, когда из чужих никого не было), говорят, что письма будут доставляться три раза в неделю между Олбани и Нью-Йорком. Как велики, как важны последствия нашей славной победы!

– Но как же будут приходить письма из Равенснеста в Олбани?

– Будут случаи. Мне говорили, что большая толпа янки придет сюда летом, так что доставить могут и они, – сказал я.

– Не слишком доверяйте им! – пробормотал полковник Фоллок, который не очень жаловал их. – Вспомните, как они поступили с некоторыми из наших родственников!

– Да, – сказал мой отец, набивая трубку, – они могли бы показать себя в то время более справедливыми, но кто же в жизни не претерпел от предрассудков? Этого не избежал даже Вашингтон.

– Вот великий человек! – вскричал с жаром полковник Дирк. – Истинно великий человек!

– Никто и не говорил обратного, полковник. Но не прикажете ли что-нибудь передать от вас старому вашему товарищу Эндрю Койемансу? Вот уже год, как он в Мусридже и, наверное, многое успел в работе.

– Да, если не взял только себе в помощники кого-нибудь из янки, – сказал с беспокойством полковник. – Если хоть одна из этих пиявок будет на наших землях, нечего ждать хорошего.

– Будь спокоен! Эндрю не даст промаха, – заметил мой отец.

– Знаю, знаю. Да, кстати, не забудьте, Мордаунт, как только приедете туда, отмерить пятьсот акров хорошей земли для вашей сестры Аннеке и пятьсот для Кэт. Как только вы это выполните, мы с генералом подпишем акт на законное владение этими участками.

– Благодарю, Дирк! – сказал с чувством мой отец. – Я не хочу отказываться от того, что ты так искренне предлагаешь.

– Конечно, эта земля ничего не стоит сейчас, но позже она будет цениться. А ведь надо было бы подарить и Эндрю ферму за все его труды?

– Конечно же! – сказал с живостью мой отец. – Несколько сот акров смогут полностью обеспечить его на всю жизнь. Тебе пришла прекрасная мысль, Дирк, я очень благодарен тебе за нее. Пусть Мордаунт выберет сам.

– Вы забываете, что землемер, как капитан, получил или получит непременно участок земли. Да и что он будет делать с землей? Разве только мерить ее. Он лучше просидит голодным, чем начнет пахать землю под картофель.

– У Эндрю было три невольника, когда он был с нами: мужчина, женщина и девушка, – возразил мой отец. – Он никогда не соглашался продавать их, ни за какую цену, несмотря на свое бедственное состояние: «Это Койемансы, говорил он всегда, они не разлучатся со мной». Я уверен, что эти невольники и сейчас с ним, ты, вероятно, найдешь где-нибудь их лагерь.

– Вот приятная для меня новость! Значит, мне придется жить там так же, как в походное время. Я непременно возьму с собой мою флейту, потому что, если верить только Присцилле Бэйярд, я должен встретить там чудо в лице Урсулы, племянницы Эндрю, о которой он так часто говорил. Вы, без сомнения, помните?

– Как же! За здоровье этой Урсулы каждый день пили в нашем полку, хотя никто из офицеров и в глаза ее не видел.

Случайно повернув голову, я заметил, что глаза маменьки с любопытством были устремлены на меня.

– Разве Присцилла знакома с племянницей землемера? – спросила она, когда заметила, что я обратил на нее внимание.

– Даже очень близко, оказывается, они большие друзья.

– Странно, – сказала маменька, слегка улыбнувшись. – Между ними так велико расстояние…

– А мне кажется, что его вовсе не существует. Мисс Бэйярд сказала, что Урсула во многом гораздо выше ее.

– Неужели?.. Племянница землемера!

– Да. Но заметьте, что землемер не принадлежит к числу простых людей. Он из очень почтенной фамилии, хотя и не получил образования. Конечно, теперь не то время, когда можно было занимать почетное место и не уметь подписывать своего имени. Но на Эндрю и Урсулу нужно смотреть иначе… я очень рад, что с ними проведу лето… Что это?.. Джеп делал мне знаки… Итак, мне пора расстаться с вами… а как приятно здесь, под этой липой… с вами… но, что же делать!.. Скоро наступит осень, и я снова увижусь с вами!..

Глаза маменьки наполнились слезами, Кэт тоже заплакала. Отец мой и полковник проводили меня до лодки. Отец был очень тронут, разлука со мной была тяжела для него.

– Не забудьте же об участках для Аннеке и Кэт, – сказал полковник, – а Эндрю пусть выберет для себя землю, какая ему подойдет, я заранее на все согласен.

Я с чувством сжал руку полковника, простился с отцом и прыгнул в лодку. Нам нужно было проехать четверть мили до судна капитана Боджера. Через десять минут по прибытии туда Лайлаксбуш был уже далеко за нами.

От нечего делать я стал рассматривать моих спутников. Их было много: и женщин, и мужчин. Некоторые из них принадлежали к хорошему обществу; но никто из них не был мне знаком. На палубе находились семь рослых, сильных мужчин. Скарб их был сложен у мачты, у каждого из них было по котомке и по топору.

Американский топор! Сколько сделал он завоеваний, более существенных, более долговечных, чем сабля и ружье! И завоевания эти не оставляли после себя следов разрушения и отчаяния, напротив, они вели за собой образование и богатство! На пространстве более миллиона квадратных акров девственные леса склонили свои недосягаемые вершины, чтобы пропустить лучи солнца, и там раскинулись плодородные нивы, где прежде скрывались хищные звери от преследований дикарей. И все это свершилось в такое короткое время! Не прошло и четверти века – и сколько перемен, сколько улучшений.

Спутники мои успели разговориться с Джепом, расспросили у него все, что он знал об Равенснесте и Мусридже; даже полюбопытствовали узнать, для чего я еду. Когда Джеп рассказал им все, как умел, они, видимо, старались сблизиться со мной, задавая мне разнообразные вопросы. Из разговоров их со мной я заметил, что они хотят арендовать, а не покупать землю; вероятно, причиной этому была крайняя их бедность.

В продолжение восьми дней нашего плавания мы успели переговорить и обдумать все, что касалось найма земель. Когда же на горизонте обрисовались колокольни Олбани, то между нами было уже решено, что семь спутников последуют за мной в Равенснест.

Глава VII

Кто эта грациозная женщина, которую я вижу там, возле краснокожего охотника? Смотря на ее роскошный стан, на ее нежные черты лица, можно подумать, что ей суждено было украшать столичные собрания; а между тем она сопровождает этого дикаря, как будто принадлежит к одному с ним поколению.

Пинцепей

Я остановился в Олбани только на необходимое время, чтобы показать эмигрантам ту дорогу, по которой они должны были следовать, и чтобы нанять телегу, которая перевезла бы меня со всеми моими пожитками в Равенснест. Род тяжелого спокойствия заступил место военных тревог. Что поддерживало еще деятельность умов, так это старание найти земли, где бы можно было поселиться с выгодой. Нельзя было пройти по главной улице Олбани, чтобы не встретить большое количество этих пришельцев, которых можно было узнать по их котомкам и топорам. Все почти прибыли из Новой Англии, которая в то время была населена большим количеством людей чем в других штатах, но не отличалась ни климатом, ни почвой, способной удовлетворить нужды жителей.

Нам достаточно было двух дней, чтобы приехать в Равенснест, собственность, принадлежавшую мне уже несколько лет, но которую я намеревался посетить только в первый раз. Мой дедушка поручил управление Равенснестом одному Джезону Ньюкему, который был в годах моего отца и раньше занимал должность школьного учителя в окрестностях Сатанстое. (Этот агент взял у него в аренду земли в большом количестве и теперь владел почти единственными мельницами в целой стране.) Я знал о нем только по рассказам, но из некоторых его писем к отцу, попавших мне в руки, я понял, что между нами не возникнет симпатии.

Кто видел в Америке то, что называют новой страной, тот знает, что едва ли есть что-нибудь менее привлекательное. Любители живописного должны бежать отсюда, потому что труды их исправить природу будут здесь совершенно напрасными. Они изменят только натуральные красоты пейзажа, а искусство еще очень долго не поможет нанесенному ущербу.

По всем сторонам виднелись полуобгоревшие деревья, расколотые пни и сваленные в кучу стволы; обросшие мхом и терновником, они составляли непреодолимые преграды. На каждом шагу вылезали из земли в причудливых формах корни вековых деревьев; на каждом шагу перед глазами путешественника открывались картины одна другой печальней: лес и лес, да кое-где пустынные прогалины.

В этой стране все носило на себе печать переходности, но не той переходности, какая бывает иногда, если процветает торговля, налажено транспортное сообщение и если продукты новых земель требуются повсюду. В этом случае переходность представляет живую картину деятельности.

Не то было в стране, по которой я проезжал. С того места, где осталась большая дорога, и до самой границы я не встретил ни одного обработанного куска земли. То же самое было отмечено и двадцать лет назад моим отцом, рассказавшим мне впоследствии о своих путешествиях. Посередине этого пространства возвышалась только одна маленькая таверна, выстроенная из дерева.

В ней можно было найти из напитков один только ром, а из съестных запасов – соленую свинину, да еще картофель; по крайней мере, это было мне подано, когда я попросил обед. Впрочем, в другое время года можно было попасть на более роскошное угощение: тогда на стол подавались рыба и дичь. Все это я узнал от хозяйки, которая во время моего обеда иногда вступала со мной в разговор.

– Ваше счастье, майор, – сказала хозяйка, – что вы не попали в то время, которое мы называем голодным.

– Голодным!.. Я не понимаю: разве можно терпеть голод в такой богатой стране?

– Что ж это за богатство, если нужно целый день ловить рыбу или целый день гоняться за дичью. Теперь стало не то! Я помню время, когда вы всегда могли бы найти здесь кроме этих скудных запасов дичь и форель и многое другое.

– Мне ничего не надо, кроме хлеба.

– О! О хлебе я и не говорю: хлеб и картофель никогда у нас не заканчиваются. А жаль то семейство, где хозяйка находит пустым погреб, в котором раньше было

так много свинины. По мне, свинина лучше дичи. Дичь – это лакомство, а свинина настоящая пища. Но чтобы иметь хорошую свинью – надо иметь хороший хлеб, а чтобы иметь хлеб – надо обрабатывать землю, а мотыга – не ружье, не удочка… Нет, одного только и желаю – воспитать детей своих сыновей; а хлеба и масла – пусть кушают сколько угодно.

Вот что называлось бедностью в Америке в 1784 году!..

Хлеба, масла, картофеля достаточно, немного свинины, и по временам дичь в изобилии… Но бедный человек, питавшийся одной только дичью, был предметом сожаления, наравне с городским эпикурейцем, который, наоборот, не мог достать дичь и предложить ее своим гостям.

Разговор с этой гостеприимной женщиной показался мне занимательным, и поэтому я продолжал с ней беседу.

– Я читал, что есть такие земли, где бедный никогда не ест мяса, и что временами даже хлеба нет.

– О хлебе я не беспокоюсь… не велика беда не иметь хлеба, когда на столе есть свинина. Конечно, жаль, если бы не было хлеба… дети мои любят хлеб с маслом. Питаться же одним картофелем, значит, жить, как живут дикари.

– А между тем есть народы, очень образованные, которые, несмотря на это, довольствуются одним только картофелем.

– Разве у них есть закон, который запрещает есть мясо и хлеб?

– Да, у них есть закон, который запрещает брать то, что принадлежит другому.

– Клянусь моей землей! (Это восклицание довольно естественно между женщинами в Америке.) Почему же они не трудятся, чтобы иметь хлеб?

– По весьма простой причине: потому что у них нет земли, которую они могли бы обрабатывать. Земля принадлежит также другим.

– Но если у них не за что купить землю, так почему они не наймут ее?

– Потому что нет даже куска свободной земли. У нас земли много, даже слишком много, чтобы удовлетворить ваши нужды; а в тех землях, о которых я говорю, земли не хватает на жителей.

– Ну, если нельзя купить земли, так жили бы они, как скваттеры[2 - Скваттерами в Америке называют людей, ведущих кочевую жизнь и переносящих свои палатки туда, где они думают, что их будут меньше беспокоить. Они селятся на чужой земле самовольно. Название свое они получили от глагола to squater – сидеть на цыпочках, потому что они живут на границах, втихомолку, скрываясь и как бы присев.].

– А что, много скваттеров здесь?

Хозяйка, казалось, смутилась немного и несколько минут не отвечала.

– Да ведь это прозвище дают направо и налево, кому попало, – сказала она наконец. – Как бы вы думали: и мы сами, муж и я считаемся скваттерами!.. А за что?.. Мы купили эти земли у человека, который владел ими совершенно по закону… у него и бумаги все были написаны… мы и купили, как следует. Муж мой, Тинкум, сказал, что этого достаточно… как вы думаете, господин майор?

– А я скажу, что человек, который ничего не имеет, и продать ничего не может. Одним словом, вы решились на весьма невыгодную покупку.

– Невыгодную!.. Ошибаетесь!.. Тинкум дал за все эти земли одно старое седло, которое не стоило и двух долларов, да две плохие конские сбруи, которые, не знаю, подойдут ли на такую скотину. На один год нанять землю стоило бы дороже, а мы вот уже семь лет как живем здесь; четверо моих детей родились под этой кровлей.

– Так вам нечего и жалеть, если явится настоящий владелец: если вам ничего не стоило приобрести эту землю, так ничего не будет стоить и потерять ее.

– Все же нас не за что считать скваттерами… мы хоть немного, а все же заплатили. Говорят, что даже старый гвоздь, который пошел в оплату, значит что-нибудь перед судом в государстве. А ведь законы пишут для бедных.

– Столько же, сколько и для богатых. Закон должен быть справедлив и беспристрастен, и бедные должны особенно желать для своего счастья, чтобы он всегда оставался таким. Поверьте, моя милая, что тот, который всегда готов говорить о правах народа, ни больше ни меньше, как плут, который кричит для своей собственной выгоды. Для бедных, как и для всех, есть одно убежище – строгое правосудие.

– Я согласна с вами, но все же скажу, что мы не скваттеры. А их водится достаточно у нас, даже, как мне говорили, и на ваших землях.

– Как! На моих землях?.. О, это будет продолжаться недолго. Моим первым делом будет – изгнать их. Я знаю, что здесь смотрят сквозь пальцы на эти захваты, потому что земли много, она мало ценится… большая часть владельцев не живет здесь… но я не последую примеру других.

– И хорошо сделаете… Начните со старого Эндрю землемера… Вот скваттер-то, первого сорта! Говорят, что с тех пор, как он возвратился с войны, смотрит на всех так гордо, что подступиться к нему нельзя.

– Так ты знаешь землемера?

– Как не знать его! Мы долго жили соседями. Он даже начинал размежевывать для нас в другом месте землю… да мы поссорились с ним, потому что он сплутовал.

– Эндрю сплутовал!.. Не верю!.. Расскажите мне…

– Рассказ короткий. Тинкум просил его провести межу между землей, которую мы купили, и землей нашего соседа. Это было давно, еще до начала войны, когда бумаги на землю были еще редки. Как бы вы думали, что сделал с нами этот Эндрю? Сперва он спросил у нас бумаги… ну, мы ему их показали, он посмотрел и говорит «так написано» и принялся за дело… Уже провел межу до половины дороги, мы и думаем: вот скоро все ссоры с соседями кончатся, – как вдруг этот старый плут, ни с того ни с сего открыл, что тот, кто продал нам землю, сам не был ее хозяином. Что же вы думаете? Отказался межевать… Уж человечек!.. На него положиться нельзя!..

– Добрый, честный Эндрю! – воскликнул я. – Я люблю и уважаю тебя еще больше теперь!.. Скажите мне, любезная, давно ли вы видели его?

– Около года тому назад, он прошел мимо нас со всей своей шайкой. Он пробирался, кажется, на ваши земли. С тех пор мы и не виделись; у него теперь два помощника: Урсула и молодой Мальбон.

– Кто?

– Молодой Мальбон. Он служил у него счетоводом. Ведь старик Эндрю не знает, что дважды два четыре.

– Мальбон – брат Урсулы?..

– Да и нет. Они от одного отца и от разных матерей. Я Койемансов знаю с детства, а Мальбонов так давно, что и не хотела бы знать.

– Что же тебя заставляет так говорить об этом семействе?

– Их глупая спесь!.. Чем они гордятся?.. Они ничем не выше нас!..

– Ты несправедлива. Сама уже бедность не позволяет им гордиться.

– Если бы они были не гордые, так Урсула вела бы себя так, как ведут себя мои дочери. А то никогда не увидишь ее на лошади без седла, да еще надевает дамское! Мои дочери не так ездят: если нужно отправиться в Равенснест, а ведь отсюда будет добрых семь миль, так хоть дочь моя Полли вспрыгнет на быка, да и пошла… возьмет с собой только веревку, а тут все – и узда, и кнут… Да, сказать правду, и не найдешь другой Полли!..

Отвращение, которое вселила в меня эта женщина, победило мое любопытство. Я встал, отошел от стола, предоставив янки, ожидавшему меня терпеливо, чтобы я закончил обед. Взяв охотничье ружье, с каким всегда путешествовали в то время, я заплатил хозяйке, что положено, и пошел пешком по дороге к Равенснесту. Негру и кучеру я приказал следовать за мной в телеге, как только они будут готовы.

Казалось, что окрестность, по которой лежал мой путь, была предметом немалых споров, и что нередко скваттер селился здесь, чтобы с выгодой продавать водку небольшому числу путешественников, подобно мне пробиравшихся во внутренние земли страны, и что наконец сам трактир, если можно так его назвать, не раз поменял хозяев, переходя из рук в руки. Вокруг дома, который был не что иное, как куча худо соединенных между собой бревен, время и огонь, два верных союзника, образовали небольшую прогалину. Это еще напоминало цивилизацию; но несколько шагов вперед, и путешественник входил в девственный лес, в который не ступала нога человека. Только едва приметная тропинка перерезала его; впрочем, по этой дорожке можно было проехать даже в телеге.

Девственные леса Америки не представляют большой прелести для охотника. В их чаще трудно охотиться. Хотя я и считался хорошим стрелком, однако у меня не было желания стрелять. Я думал о Присцилле Бэйярд, об Урсуле Мальбон, и в этих мечтах оставил далеко за собой таверну миссис Тинкум.

Я шел уже час, как вдруг тишина, царствовавшая вокруг меня, была нарушена звуками человеческого голоса. Этот голос, по-видимому, женский, пел, и пел так нежно, так приятно, что сам соловей позавидовал бы ему. Мне казалось, что песня невидимки была мне знакома; но слова ее были непонятны мне. Прислушавшись, я убедился, что невидимка пела ни на французском, ни на голландском языках, которые были мне знакомы. Напев этот был чисто шотландский, так что мне пришла мысль: не поет ли возле меня одна из тех дев Шотландии, одна из тех монтаньярок, которые так милы воображению поэта. Голос, казалось, выходил из густой зелени молодых сосен, возвышавшихся неподалеку от дороги и, без сомнения, закрывавших собой шалаш. Когда закончилось пение, я подошел к леску, чтобы проникнуть в тайну, но в то же время раздался смех, такой же приятный, как и само пение. В этом смехе ничего не было грубого или дикого. Я остановился на секунду и стал прислушиваться. Но прежде чем я сделал новое движение, ветви зашевелились, и из-за деревьев вышел мужчина. Я тут же узнал в нем индейца. Это неожиданное появление заставило меня вздрогнуть. Индеец же не проявил ни малейшего беспокойства или волнения; хладнокровно посмотрев на меня, он твердым шагом продолжал свой путь и вышел на дорогу. Я тоже возвратился на прежнее место, и так как индейцу нужно было идти в ту же сторону, мы оба шли не торопясь на небольшом расстоянии друг от друга.

Прошло две или три минуты, а мы не обменялись ни одним словом. Я старался не начинать разговора, зная, что индейцы уважают тех, кто не любопытен. Он, со своей стороны, казалось, подражал мне. Наконец он решился первый прервать молчание. Глухим, гортанным голосом он произнес обычное приветствие: Sa-a-gob (Как твое здоровье?). Я ответил на учтивость моего спутника тем же. После этого мы опять замолчали. Я воспользовался этим молчанием и стал рассматривать моего краснокожего собрата. Первое, что мне бросилось в глаза, это было полное вооружение индейца. Нож, карабин и другое оружие грозно показывалось из-за пояса и из-за плеч. Однако он не был разрисован и носил обыкновенную сорочку. Лицо его было суровым, как у всех краснокожих воинов. Ему было больше пятидесяти лет, и поэтому черты его начинали блекнуть, но он был еще бодр. По всем приемам его можно было понять, что он долго жил между образованными. Хотя меня мало беспокоило это новое знакомство, однако приходила иногда мысль сравнить мое охотничье ружье с его карабином, и я поневоле сознался, что оружие его несравненно лучше моего и что мне будет плохо, если он вздумает из-за дерева пустить в меня пулю. Эти опасения приходили мне в голову, так как я не раз слышал о подобных происшествиях.

– Как поживает старый начальник? – спросил вдруг индеец, не поднимая даже глаз, устремленных на дорогу.

– Старый начальник?.. Кто это?.. Ты говоришь о Вашингтоне?

– Нет… о вашем отце.

– О моем отце?.. Разве ты знаешь генерала Литтлпейджа?

– Немного. Послушайте: ваш отец и вы (он поднял два пальца) – вот вы. Кто видит одного, видит другого.

– Странно!.. Разве ты знал, что я буду здесь?

– Знал. Я говорю часто о старом начальнике.

– А давно ли ты видел моего отца?

– Я видел его во время войны. А слышали ли вы когда-нибудь о старике Сускезусе?

Я слышал про это имя от офицеров нашего полка. Говоря про какого-то индейца, они произносили это имя. Мне известно, что этот индеец оказал большие услуги, особенно в двух северных кампаниях, но когда я соединился с корпусом, его уже не было.

– Как же… знаю, знаю! – ответил я, дружески взяв его за руку. – Кажется, ты был знаком с моим отцом еще до последней войны?

– Да, да – в старую войну мы познакомились. Генерал был еще тогда молод, как ты.

– Как тебя зовут? Онеида?

– Не Онеида, а Онондаго… Трезвое племя… да у меня много имен, то одно, то другое. Бледнолицые зовут меня Бесследным, потому что не могли найти где я скрываюсь, а воины зовут меня Сускезусом.

Глава VIII

Люблю смотреть на эти деревья, переплетающие, в дикой свободе, свои ветки над дорогой! На эти прозрачные ручьи, текущие посреди свежей зелени лесов. Цветы растут во множестве и наполняют ароматом места, до которых никогда не дотрагивался заступ.

Бриан

Мне довольно хорошо была известна вся молодость моего отца, поэтому я знал, что человек, с которым я встретился, играл в ней немаловажную роль, пользуясь полным доверием моего отца. Впрочем, я сомневался в том, был ли Сускезус и Бесследный одним и тем же лицом, хотя несколько раз слышал эти имена. Во всяком случае, в нем я нашел друга, и поэтому мне нечего было опасаться. Это было для меня большим утешением, потому что очень неприятно

путешествовать с каким-нибудь незнакомым, думая, что при первом повороте дороги он может пронзить тебя пулей.

Сускезус был стар. Наружность его была замечательная: он держался так же прямо, как и в цветущей своей молодости. Впрочем, дикари редко горбятся от других причин, кроме слишком преклонных лет и употребления горячительных напитков. Сускезус не пил. Походка его была быстрая и легкая.

В первые минуты индеец разговаривал со мной о последней войне и о тех случаях, в которых мы участвовали оба. О себе он говорил скромно, а не с тем хвастовством, к которому так склонны краснокожие. Поговорив о войне, я вдруг переменил разговор.

– Ты был не один в сосновом лесу, Сускезус; я говорю про тот лес, из которого ты вышел, перед встречей со мной.

– Конечно, нет… я был не один… там много людей.

– Что, там живут какие-нибудь семейства?

Лицо моего спутника омрачилось; я заметил, что вопрос, заданный ему, произвел на него тяжелое впечатление. Он некоторое время не отвечал, но потом сказал с грустью:

– У Сускезуса нет семейства. Тридцать уже лет, как я оставил онондагов и не люблю могавков.

– Кажется, я слышал что-то про это, от моего отца. Он даже говорил, что причина, заставившая тебя отделиться от своих, делает тебе честь… но в лесу кто-то пел.

– Да, пела молодая девушка. Молодые девушки любят петь, а воины любят их слушать.

– А слова этой песни на каком языке?

– На языке онондагов, – тихо сказал индеец.

– Я никогда не думал, что ваша музыка такая приятная. Давно я не слышал звуков, которые более бы тронули меня, хотя я и не понимал слов.

– Это пела птичка… хорошенькая птичка.

– А много у вас таких певиц? Если много, так я непременно буду чаще приходить к вам.

– А почему же нет? Дорога хорошая… короткая. Девушка будет петь, сколько вам будет угодно.

– В таком случае, я на этих же днях непременно приду. Где ты живешь теперь? Скажи мне, в эту минуту ты Сускезус или Бесследный? Я вижу, что ты вооружен, но не раскрашен, как это делается всегда перед войной.

– На этот раз топор зарыт глубоко. Долго никто не возьмется за него. Могавки помирились… Онеиды помирились… Онондаги помирились… все зарыли свои топоры.

– Тем лучше для нас, владельцев. Я приехал сюда с намерением продать или отдать в аренду мои земли. Много ли нынче молодых людей, которые ищут фермы на это лето?

– Леса наполнены ими. Их так много, как и голубей. Как вы продаете землю?

– Это зависит от ее качества. Разве ты хотел купить, Бесследный?

– Вся земля принадлежит индейцу, когда он нуждается в ней. Он ставит свою хижину, где ему вздумается.

– Да, я знаю, что некоторые из вас, индейцев, имеют на это претензию; конечно, никто вам этого запрещать не будет, пока край не выйдет из своего дикого состояния, но ты не можешь делать посевов и собирать жатву.

– У меня нет ни жены, ни детей… хлеба нужно Сускезусу немного… у него нет никого.

Бесследный повторил эти слова тихо, но твердо, с какой-то мужественной грустью. Человек, который жалуется, возбуждает мало сочувствия; тот, кто плачет, – перестает внушать уважение, но я не знаю зрелища более трогательного, как увидеть человека, который умеет владеть собой в беде.

– Если у тебя нет ни жены, ни детей, Сускезус, – сказал я, – зато есть друзья.

– Ваш отец мне друг… сын его, надеюсь, также мне друг. Ваш дедушка тоже был когда-то мне другом, но он уехал и больше не возвращался. Я хорошо знал всех ваших: и отца вашего, и мать, словом, всех, всех.

– Выбирай, Бесследный, какую тебе угодно землю, обрабатывай ее, продавай, делай с ней, что угодно.

Индеец пристально посмотрел на меня, и я заметил легкую улыбку самодовольства на его лице. Трудно было, однако, заставить его изменить своему привычному хладнокровию; улыбка эта была мгновенной, как луч солнца в зимний день. Любой белый непременно взял бы меня за руку и наговорил бы в знак благодарности тысячу фраз; мой же спутник оставался равнодушным, и, кроме легкой минутной улыбки, я не заметил никакой перемены в его наружности; впрочем, он был довольно учтив, чтобы оставить меня без ответа.

– Хорошо! – сказал он, помолчав. – Очень хорошо со стороны молодого воина. Благодарю. Птиц много… рыбы много… мне не нужно земли. Может, однако, прийти время, и оно без сомнения придет для всех старых индейцев, которые живут в этих окрестностях…

– О каком времени ты говоришь, Сускезус? В любое время ты имеешь во мне друга.

Индеец остановился, опустил ружье и оперся на него; стоя неподвижно, он походил на прекрасную античную статую.

– Да, придет время, когда старый воин будет жить в своей хижине и говорить с молодыми воинами о прическах, о судах, об охоте и войне; теперь же он вяжет метлы и плетет корзины.

Сказав это, индеец забросил ружье на плечо, и мы пошли дальше молча.

– Не был ли ты в Равенснесте с моим отцом, – спросил я наконец, – в то время, когда канадские индейцы хотели поджечь дом?

– Я был. Тогда убили молодого голландского начальника.

– Да, его звали Гурт Тэн-Эйк; отец мой, мать и старый наш друг, полковник Фоллок, всегда с почтением вспоминают о нем.

– Одни ли они вспоминают его теперь? – спросил индеец, бросив на меня проницательный взгляд.

Я догадался, что он намекает на тетушку Мэри, которая должна была выйти замуж за молодого олбанца.

– Нет, – сказал я, – есть еще женщина, которая оплакивает его, как своего мужа.

– Это хорошо; женщины не всегда плачут долго… редко… иногда.

– Скажи мне, Сускезус, не знаешь ли ты одного человека, которого называют землемером? Он служил в полку, и ты, вероятно, встречался с ним во время войны.

– Знаю ли я землемера! Я знал его на поле сражения, потом жил вместе с ним в лесу. Он из наших, землемер мой друг.

– Мне очень приятно слышать это, потому что он и мне друг; землемер благороднейший человек.

– Скоро и он начнет вязать метлы, – с сожалением сказал индеец.

Бедный Эндрю! Без помощи преданных ему друзей, каких он видел в нас, он, конечно, мог бы дойти до этой крайности. Услуги, которые он оказал во время революции, очень мало ему помогли, потому что правительство было слишком бедным, чтобы выдать жалование своим защитникам. Впрочем, я не обвиняю ни народ, ни правительство, – к этому вынуждали обстоятельства. На протяжении

двух лет после заключения мира трудно представить себе финансовую бедность края, но потом, потихоньку, как ребенок, выздоравливающий от тяжелой болезни, нация укрепилась, поправилась, заменив оружие сохой.

– Да, – продолжал я, – землемер беден, как большая часть людей одного с ним сословия, но у него есть друзья, и ни он, ни ты, Сускезус, пока я владею землей, не будете вынуждены заниматься женским делом. У меня вы всегда найдете приют.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Читатель должен представлять, что эта рукопись была написана много лет тому назад. Даже и тогда путешествие к Ниагаре было предприятием серьезным; нынче благодаря железной дороге расстояние от четырехсот пятидесяти до пятисот миль можно проехать меньше чем за тридцать шесть часов!

2

Скваттерами в Америке называют людей, ведущих кочевую жизнь и переносящих свои палатки туда, где они думают, что их будут меньше беспокоить. Они селятся на чужой земле самовольно. Название свое они получили от глагола to squater – сидеть на цыпочках, потому что они живут на

границах, втихомолку, скрываясь и как бы присев.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kuper_dzheyms-fenimor/zemlemer

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить